

Кирилл МАНАКОВ

ИГРЫ МАСТЕРОВ
Мастер стратегии

Кирилл Манаков

Игры Мастеров. Мастер стратегии

«Издательские решения»

Манаков К.

Игры Мастеров. Мастер стратегии / К. Манаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748334-0

Я — Гор, бывший Убийца и бывший Стратег. Я могу предсказать судьбу любого человека, но свое собственное будущее скрыто туманной завесой. Так же как будущее Владетеля и страшных Мастеров. Но это не важно, главное — никто более не властен надо мной. Ждите меня, я иду! Я — Гор.

ISBN 978-5-44-748334-0

© Манаков К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
I	11
II	20
III	27
IV	34
V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игры Мастеров Мастер стратегии Кирилл Манаков

© Кирилл Манаков, 2016

Дизайн обложки Екатерина Давыдкина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Не все, что делает превосходный мастер, сделано превосходно...»

Йоганн Вольфганг Гете

После двух часов бешеной скачки герцог Маронский остановил коня. Тут же подбежал капитан-адъютант, подхватил поводья и сказал:

– Сир, нам следует поторопиться.

Герцог соскочил с седла и похлопал коня по холке. Тот поднял уши, скосил черный с огоньком глаз и тихо фыркнул.

– Если загоним лошадей, тогда точно все будет кончено. Мы хорошо оторвались. Отдых полчаса.

– Простите, Сир, вы сможете пересесть...

– Нет, Мартин, – оборвал герцог, – я не брошу Грома. На сегодня хватит позора.

Адъютант молча поклонился и отошел к ореховой роще, где застыли всадники из сотни охраны.

Герцог сделал несколько шагов, опустился на траву, расстегнул застёжки и стянул тяжелый шлем. Войлочная подкладка пропиталась потом и совершенно размокла, а на гребне красовалась свежая вмятина – если бы имперский солдат в последний момент не поскользнулся, пришлось бы отправляться на встречу с Создателем, а так – маронская сталь выдержала. Само собой, в глазах потемнело, из носа пошла кровь, но это мелочи, не достойные упоминания. Как там говорят селяне? «Старому волку рана в охотку».

Если бы это была единственная неприятность! Все так удачно складывалось: двукратное превосходство в пехоте и почти пятикратное в кавалерии. Не знающие страха ветераны и пылкие выпускники Академии, готовые умереть за своего повелителя. Кто сможет устоять перед такой армией?

Из травы весело выглядывали яркие капельки земляники, герцог снял кольчужную перчатку и сорвал ягоду. Пальцы тут же окрасились красным соком. Самый сезон – земляника ароматная и сладкая. В этих местах они когда-то носились с младшим братом, отчаянно рубили деревянными мечами высокие папоротники, а старый лорд-наставник смешно ковылял по кочкам, пытаясь догнать и урезонить сорванцов. И сюда же с Бриджиттой убежали с коронного бала. Прямо как в песне: «Трава нам постелила ложе, и полог сплелся из ветвей...» А сейчас по долине Марона шествуют имперские легионы, оставляя за собой сожженные деревни и разрушенные города, а Бриджитта с детьми укрылась в дальнем поместье...

Герцог был готов к неудачам. Мастерство истинного полководца заключается в умении смирять гордыню при победе и не предаваться отчаянию при поражении. Красиво сказано, правда? Вот только что делать с воспоминанием о мерзком ощущении собственного бессилия? В детстве его преследовал ночной кошмар: человек без лица медленно надвигается, протягивая длинные руки с узловатыми пальцами, а ставшие вдруг чужими ноги отказываются слушаться, крик застревает в горле, остается одно – сделать усилие и проснуться. А сегодня все происходило наяву.

Имперский стратег оказался необычайно искусен. Он самым непостижимым образом предугадывал все ходы, действовал стремительно и мощно, так что Герцог чувствовал себя зеленым юнцом, вышедшим на поединок с мастером меча. Маневры имперских легионов были безупречны по замыслу и исполнению. Непобедимые доселе маронские драгуны попросту не успевали за передвижением легионеров, и лихие кавалерийские атаки, раз за разом проваливались в пустоту или натыкались на бронированный, ошметинившийся копьями строй.

Неприятной неожиданностью оказалась дальнобойность имперских арбалетов и превосходная выучка стрелков. Короткие стрелы с закаленными наконечниками насквозь пробивали железные доспехи драгун. Похоже, столичные инженеры лишили Марон монополии на мощное стрелковое оружие.

Сражение еще толком не началось, а потери уже становились весьма ощутимыми.

Сейчас, обдумывая произошедшее, герцог понимал, что единственно мудрым решением было бы признание неготовности к битве, выставление арьергарда и немедленное отступление. Это бы позволило сохранить большую часть войска. Какой, впрочем, смысл сокрушаться об утраченных возможностях? Да и кто мог ожидать, что появившаяся с фланга сотня легионеров, на которую сначала даже не обратили особого внимания, разорвет в клочья корпус ветеранов и ударит в тыл городскому ополчению?

Вчерашние лавочники, мастеровые и студенты столкнулись со страшными воинами в рогатых шлемах и шипастых доспехах, сильными как медведи и быстрыми как снежные барсы. Происходящее нельзя было назвать сражением – сначала избиение, затем паника и беспорядочное бегство. Обезумевшая толпа снесла боевые построения ветеранских частей, и квадраты имперских легионов размеренно двинулись вперед.

– Сир!

Герцог обернулся. Адьютант подошел совершенно бесшумно.

– Сир, противник в двух милях от нас. Прикажете вступить в бой?

Молодец все-таки этот капитан. Спокойствие и решительность. Старая школа, настоящий рыцарский дух, хоть он, кажется, всего лишь младший сын захудалого баронского рода. Если есть такие воины, значит еще не все потеряно. Трепка жестокая, но может именно она позволит объединить силы провинций. На западе ждет резервный корпус маронской гвардии, города собирают новое ополчение, с юга на соединение движется сотысячная армия кочевников. Даже бароны готовы выставить свои дружины. Так что Императора не ожидает легкая прогулка по маронской земле.

– Нет, Мартин, мы уходим. Коня!

– Запомни этот день, Мартин, – сказал герцог почти весело, – здесь и сейчас решается судьба мира.

Адьютант с сомнением оглядел приземистый постоялый двор. Потемневший от времени сруб с высокой, в южном стиле крышей, меньше всего походил на место, где принимаются эпохальные решения. Особую пикантность придавало намалеванное над входом изображение призывно улыбающейся обнаженной женщины с рыбьим хвостом.

Герцог спешил и легко взбежал на крыльцо, на ходу приняв от адъютанта парадный алый плащ. Командующий армией, пусть даже и проигравшей, должен выглядеть безупречно и не выказывать слабость.

Он вошел в зал решительно и уверенно – тяжелые сапоги гремят по истертому полу, плащ языком пламени развивается за спиной, железо доспехов звенит при каждом шаге. Герцог не любил парадных облачений и торжественных выходов, но что делать – уверенность командующего придает силы соратникам.

Его ждали.

Здесь собрались предводители армий, противостоящих Империи. Великий хан племен, плотный, широкоплечий, с неподвижным бронзовым лицом, сидел, поджав ноги, на расстеленном красном ковре. Рядом расположились сыновья, похожие друг на друга как близнецы, сосредоточенные и невозмутимые. Каждый из них имел под началом двадцатитысячную орду.

Городское ополчение возглавлял бывший военный советник герцога, больше похожий на веселого гуляку и балагура, чем на опытного полководца. Осторожные бургомистры долго не решались доверить ему командование, но их убедили несколько успешных стычек, превративших плохо организованную толпу торговцев и ремесленников в боеспособную армию. Странная гримаса судьбы – совсем недавно солидные негоцианты считали ниже своего достоинства сидеть за одним столом со старым воякой, а теперь они же прочили его на должность главнокомандующего объединенными силами провинций.

Несколько баронов – огромных, косматых, увешенных золотом и железом с самым независимым видом сидели за столом, стараясь не глядеть друг на друга. Поведение весьма разумное, поскольку не единожды случалось, что брошенный взгляд становился причиной ужасного кровопролития. Нет доверия между баронами, жизнь у них такая... даже пословица есть: «доверчивых – вон целое кладбище за бугром!» Да и за сотни лет претензий к соседям накопилось ой как немало. Но, несмотря на буйный нрав, распущенность и чревоугодие, бароны всегда были лихими вояками, а в их дружинах царила железная дисциплина.

Герцог по очереди приветствовал всех – предельно учтиво хана и дружески остальных.

Шустрые служанки расставили на столе блюда с жареным мясом, чаши с крепким бульоном, кувшины с пивом и прозрачные графины с наливками. Все, за исключением предпочитающих сидеть на коврах кочевников, расположились за потемневшим от времени дубовым столом. В зале позабытой Создателем таверны собрались люди, представлявшие силу, способную противостоять Империи.

Герцог поднял кубок:

– Друзья! За победу и низложение тирана!

– Смерть тирану! – взревел в ответ десяток глоток, а один из баронов с такой силой грохнул кулаком по столу, что затрещала толстенная дубовая доска. Про себя герцог отметил, что к общему тосту присоединились кочевники, обычно не склонные к открытому выражению чувств. Очевидно, недавний рейд имперской легкой кавалерии по границе Дикой Степи заставил их многое поменять в отношении к жизни.

– Друзья! – герцог сознательно использовал слово «друзья» вместо традиционного обращения «гере» – это придавало речи искренность и убедительность, – Друзья! Мы собрали войско, которого никогда еще не видел мир. Объединившись, мы сотрем с лица земли не только самого кровавого деспота, но и память о нем. Мир и спокойствие вернуться в дома наших людей, с эпохой варварства будет покончено. Важно, чтобы мы не повторяли прошлых ошибок. Нельзя допустить разобщенности, – он посмотрел на притихших потупившихся баронов.

Когда полгода назад он предлагал объединиться, те только рассмеялись. Каждый считал, что сам способен справиться с любым врагом. Кто только не пытался попробовать на прочность баронские гнезда! И где эти захватчики? Кормят воронье под стенами замков...

Но сейчас, когда на месте каменных цитаделей как гнилые зубы торчали развалины башен, оставшиеся бароны сами привели дружины. И ни один из них больше не требовал поста командующего и особых привилегий.

Герцог заранее заготовил речь. Пространную, дипломатичную, выверенную – в искусстве владения словом он не уступал лучшим ораторам Марона, способным несколькими словами воодушевить или наоборот успокоить многотысячную толпу. Но, увидев обращенные на него взгляды, понял, что все высокопарные фразы, хитрые словесные обороты, намеки, недоговоренности – все это не имело смысла. Ради победы он готов на многое, даже отказаться от верховного командования. Но сейчас в этом не было необходимости. Ему верили, на него надеялись, несмотря на сегодняшний разгром...

Еще раз оглядев союзников, он поднял кубок и тихо произнес:

– За победу.

Десятник личной охраны герцога почувствовал слабое движение воздуха и резко обернулся. Все спокойно. Стоящий в нескольких шагах караульный, отсалютовал мечом, показывая, что все видит. Десятник покачал головой – после трех суток, проведенных в седле, что угодно может померещиться, вон, боец из десятка Крукса доложил, что встретил духа своего деда, беседовал с ним и получил несколько дельных советов по поводу организации питания в походном лагере. Пришлось отправить бедолагу отсыпаться, а вслед за ним – еще восемнадцать человек. Однако бдительности терять нельзя, и десятник продолжил обход постоянного двора, окруженного тройным кольцом охраны – бойцами герцога, косматыми, похожими на медведей дружинниками баронов и молчаливыми кочевниками с длинными луками за спиной. Внезапно его накрыло странное ощущение того, что он допустил непоправимую ошибку и пропустил нечто очень важное...

Генеральная Инспекция. Большой Архив. Хранилище летописей. Закрытый раздел. Свиток «История Империй».

«... призвал на помощь демонов ночи. Благородный Герцог Маронский, архистратиг Монт Гриффест, великий хан племен Маалек и пятеро его сыновей, бароны Лист, Мау, Хруффосс, Брекк и Фаус, а также полтора десятка людей из числа слуг, приближенных и стражи были убиты в ночь третьей луны второй трети весны на постоялом дворе «Веселая русалка» близ Серебряной Долины. Демон в обличье человека проник в дом и расправился со всеми, кто там находился. Он двигался быстро, как выпущенная из лука стрела, и бесшумно, как тень летучей мыши. Лучшие воины не смогли противостоять ему и пали под ударами черного клинка.

Узнав о страшной смерти предводителей, войска пришли в смятение. Кочевники повернули орды назад в степь, а дружинники баронов схватились с городским ополчением, обвиняя друг друга в измене.

К полудню следующего дня в Серебряную Долину вошли имперские легионы...»

Опустившийся на одно колено человек низко склонил голову.

Император смотрел на него сверху вниз. Покоритель Вселенной был весьма невеликого роста, а сапоги с высокими каблуками и толстой подошвой лишь отчасти скрывали этот недостаток. Именно поэтому он предпочитал разговаривать с коленопреклоненными собеседниками, а вне дворца никогда не появлялся пешком – только верхом на черном коне.

– Я хочу, чтобы ты услышал это первым, – сказал Император, – с этой минуты меняется все! Я владею этим миром, и посему надлежит именовать меня «Владелец». Императора больше не существует.

– Да... Владелец.

Владелец заложил руки за спину и стал неспешно прохаживаться по гулкому залу. Звон подкованных каблуков о гранитные плиты и звуки его голоса многократно отражались от стен и создавали удивительную музыку – успокаивающую и завораживающую.

– Мне передали твоё пожелание. Признаться, я удивлен. Я хочу, чтобы ты повторил свои слова. Здесь и сейчас.

– Да, Владелец. Я прошу свободу.

Владелец остановился и резко обернулся.

– Вот как? Но разве ты невольник?

– Я невольник твоего слова, Владелец.

В голосе Владетеля появились нотки, от которых дрожали от ужаса самые мужественные и ломались самые сильные:

– Все невольники моего слова. Все. Ты хочешь быть равным мне?

– В свободе – да.

На мгновение лицо Владетеля исказила гримаса, и показалось, что сейчас он шевельнет пальцем – и немедленная кара настигнет наглеца. Нет ничего проще – из узких бойниц на каждого вошедшего в личные покои была нацелена дюжина арбалетов. Никто из правителей не мог позволить себе ничего подобного – вдруг какой-нибудь стрелок в один прекрасный момент решит переменить цель? Но, слава Создателю, Мастера позаботились, чтобы верность Гвардейцев-арбалетчиков стала нерушимой.

Стоявший на коленях человек прекрасно знал, какой угрозе подвергается его жизнь, но ни словом, ни жестом не выдал волнения. Он смотрел на Владетеля, ожидая ответа с безмятежным спокойствием.

Владелец же понимал, что за этим спокойствием скрывается сила, границы которой неизвестны. Мастера предупреждали, что управление Убийцей требует мудрости и особого искусства. Для этого мальчишки Слово – не просто закон, а часть человеческой сущности. И если имел неосторожность обещать выполнить любое желание, то теперь просто так отказать не получится. И что делать? Приказать уничтожить его? Владелец отдавал себе отчет, что перед ним – самое совершенное оружие, когда-либо созданное людьми. Он знал, что Убийца сотворил с лучшими воинами герцога. Нет, избавиться от такого может оказаться очень непросто... даже рискованно. А к риску повелитель Вселенной относился с большой осторожностью.

Владелец резко повернулся к Убийце:

– Хорошо! Слушай же Слово Владетеля!

I

– Вы не могли бы как-нибудь ускорить свои мыслительные процессы? А то, гере Рюмпель, боюсь, когда вы решите сделать ход, мы все успеем состариться, – Плумкис откинулся на спинку стула, сложив руки на животе и всем своим видом демонстрируя крайнюю степень неудовольствия.

– И, правда, – сказал гере Крум, – вы бы поторопились, Рюмпель, а то, знаете...

Я вздохнул, наугад выбрал карту и бросил на стол.

Плумкис захохотал так, что задрожали цветные стекла в витраже, изображающем сурового вида мужа со свитком в одной руке и гусиным пером в другой. К нему присоединился Крум, выводя тоненьким голосом замысловатые рулады. Странное дело – когда Крум говорит, голос его звучит совершенно нормально, а когда смеется, то переходит на визг, приличествующий какой-нибудь базарной торговке, а не почтенному асессору из муниципальной Канцелярии.

Сидевший чуть в стороне младший советник Докс, вытянув шею, выглянул из-за кипы бумаг и беспокойно завертел головой. Он был существом безобидным и до невозможности трусливым, и я понимал, что сейчас душа его разрывается между желанием угодить Плумкису и боязнью причинить неудовольствие мне. Поэтому он изобразил на лице сложную гримасу, призванную удовлетворить всех, кто соблаговолит остановить на нем свой взор.

Я терпеливо ждал, пока Плумкис закончит смеяться. Увы, я еще не так хорошо разобрался в триксе, чтобы понять причину смеха моих партнеров. Что поделать – старший советник Плумкис – он такой. Непокосимый в убеждениях, с характером твердым, как гранитная скала. К тому же его двоюродная сестра замужем за вице-бургомистром, так что даже сам гере начальник Канцелярии вынужден считаться с суждениями уважаемого старшего советника и снисходительно относится к его маленьким слабостям.

– Ну, вы и сходили, – заливался Плумкис, вытирая выступившие слезы, – надо же сообщить выбросить двойку против «квадрата» на третьей раздаче! Помилуйте, Рюмпель, вы, верно, хотите уморить нас со смеха, ибо иного варианта отыгаться у вас попросту нет! Вам надо было класть семерку на «крест»! Нет, право слово, вам нельзя садиться за трикс. Или нет, Рюмпель, садитесь! Давайте на ставочку – хотя бы по серебряному на фишку? Решайтесь! По серебряному, а?

Я смотрел на него, улыбался и чувствовал, насколько жалкой получается эта моя улыбка. Что делать, разве можно запретить гере старшему советнику высказывать мнение о молодом переписчике, без году неделя пришедшем на службу? Я ведь еще даже не асессор! А многоопытный гере Плумкис служит уже третий десяток лет, пересидел трех бургомистров и пятирх начальников Канцелярии, ему эти дубовые столы и шкафы с бумагами знакомы лучше, чем собственная спальня. Он может с закрытыми глазами определить, на какой полке лежит любой свиток, кем и когда он был составлен и наизусть, без единой ошибки, пересказать содержание!

Трикс был его единственной слабостью. Надо признать, играл Плумкис виртуозно, оттачивая мастерство ежедневной практикой. Не могу сказать, что разделяю всеобщую страсть к этой любимой игре чиновников средней руки, тем более что, начальство ведет с ней бесконечную и безуспешную борьбу. И стоит бывшему асессору или советнику пересест в кресло повыше, как тотчас же он из заядлого игрока превращается в ревнителя порядка, чрезвычайно опасного для подчиненных, поскольку на собственном опыте знает все уловки картежников. При таком начальнике уже не спрячешь в укромном месте игральные карты и фишки! У Плумкиса сейчас положение двойственное. Старший советник – должность достаточно высокая, можно сказать переходная между чиновником среднего и высшего ранга. Еще одно повыше-

ние, и придется ему распрощаться с триксом навсегда, потому-то, предчувствуя неизбежное отлучение от игры, и пытается он использовать каждую минуту, чтобы перебраться картами.

Вот и сегодня Плумкис, закончив составление записки, отодвинул в сторону исписанные листы и заговорщицки подмигнул Круму, мигом сообразившему, что к чему. А гере Крум уже позвал меня. Отказаться было просто неприлично.

Пока Плумкис самозабвенно перечислял все ошибки, сделанные мной на последней раздаче, бдительный Докс, обладающий необыкновенной остротой слуха, привстал со стула и отчаянно замахал руками. Через секунду дверь распахнулась, и в комнату как вихрь влетел сам гере начальник Канцелярии. Докс выскочил из-за стола и застыл на месте в нелепой позе, став похожим на фигуру поверженного врага из скульптурной композиции на ратушной площади. Крум поперхнулся и закашлялся, с ужасом вглядываясь в суровое лицо начальника, похожего благородством черт и развевающейся от стремительных движений мантией бога возмездия. Несчастный ассессор так растерялся, что не догадался встать. Плумкис, сохраняя достоинство, как и положено старшему советнику, не спеша поднялся со стула. Я незамедлительно последовал его примеру, разве что подскочил куда быстрее, и выражение лицу попытался придать благостное и ожидающе-радостное.

Могучий голос начальника Канцелярии сотрясал стены кабинета подобно раскатам весеннего грома. Он очень красочно описал нашу родословную и нелюбезно отозвался о способностях, с чувством рассказал о порочных пристрастиях наших родственников, и выразил твердое убеждение, что приверженность к карточным играм в самом скором времени приведет всех работников Канцелярии на виселицу, если, конечно, он собственноручно не лишит их никчемных жизней. Впрочем, гере начальник был мудрым политиком, и стрелы гнева достались Круму, Доксу и мне, а Плумкис стоял так, словно сам только что вошел и увидел все это безобразие, он даже с легкой укоризной покачивал головой, словно говоря: «Я же предупреждал!»

Высказавшись, гере начальник раздраженно смахнул карты и берестяные фишки со стола и, не глядя, уселся на ловко пододвинутый Плумкисом стул.

– Я никогда не был высокого мнения об умственных способностях Рюмпеля, но от вас, Крум и Докс, от вас я этого никак не ожидал.

– Да, гере начальник, – подхалимски подхватил Плумкис, – мы как раз обсуждали именно умственные способности Рюмпеля.

Интересно, что им всем так дались мои умственные способности? А ведь это именно Плумкис первый прошелся насчет моего ума, я подозреваю, что просто так, не имея злобы, а желая всего лишь занять время необременительным разговором. А дальше пошло-поехало. Хотя, как мне казалось, я ничего не совершил, чтобы заслужить такую оценку – задания всегда выполняю усердно и без нареканий. Устав знаю не хуже других, а вот поди ж ты... Ну ничего, придет время, и гере начальники оценят... будьте уверены, оценят.

Начальник минуту помолчал, обводя всех присутствующих печальным взором. Потом глубоко вздохнул и произнес:

– Сообщаю вам, что через день нас посетит комиссия генерального инспектора. Эта высокая честь, это такая честь, а вы... Гере Плумкис, поручаю вам организовать встречу и все такое, ну, вы знаете. И держите Рюмпеля подальше. Пускай он вообще из дома не выходит... Скажите, Рюмпель, может у вас что-нибудь болит? Вам ничего полечить не надо? День-два, например? Кроме головы, разумеется, ее лечить бесполезно!

За его спиной захихикал Крум, Еще бы – недовольство вышестоящих персон теперь направлено исключительно на меня!

Я вздохнул и опустил глаза, не смея смотреть на гере начальника. Тот безнадежно махнул рукой:

– Эх, Рюмпель, Рюмпель, – он горестно покачал головой и стремительно вышел из кабинета, кивком позвав за собой Плумкиса.

Воцарилась тишина. Крум сообразил, что все это время сидел, и густо покраснел, а трусливый Докс, который единственный из нас был совершенно не причем, стоял, переминаясь, посреди комнаты и не решался вернуться на свое место.

Это действительно неприятно. Быть застигнутыми за игрой в рабочее время – это, знаете ли... Тем более, что гере начальник вообще не одобряет азартные игры, говорят, он ни разу в жизни не притрагивался к картам, и даже будучи ассессором потихоньку выходил из кабинета, когда коллеги раскладывали трикс... Теперь можно забыть о праздничных свертках от Владетеля. Обидно, каждый захудалый клерк получает что-то к столу – добрый кусок говядины, головку сыра и кувшин вина, а нам придется выслушивать причитания жен и плач детей. Конечно, все это можно купить на рынке – слава Создателю, жалование позволяет накопить к празднику монету-другую, да только угощение от Владетеля куда слаще обычной еды. Эх, лучше бы, как в прошлые времена – высыпали бы десяток горячих по седалищу, и иди себе, но три года назад Владетель милостью своей освободил служащих канцелярий от телесных наказаний.

– Скажите, Рюмпель, почему мне так не везет? – спросил Крум, тоскливо глядя на дверь, за которой скрылся начальник. Несомненно, что его тоже посетила удручающая мысль о потере праздничных свертков.

– Что делать, – я развел руками, – такова наша судьба!

– Почему Плумкис всегда выходит сухим из воды, – продолжал, не слушая меня, ассессор, – и почему все шишки всегда достаются мне?

Услышав полный страдания голос Крума, можно было подумать, что этот человек скорбит о потере близких. Я не стал его разубеждать, хотя очевидно, на сей раз больше всего досталось именно мне. Да и какая, в сущности, разница – наказаны в любом случае будут все, за исключением, конечно, Плумкиса, и наказаны одинаково. Жалко, а я надеялся, что в будущем году меня, наконец, допустят к экзаменам на следующую ступень. А теперь... Не быть мне на хорошем счету у гере начальника, ох не быть.

Плумкис вернулся в кабинет собранный, решительный и подтянутый. Серый камзол застегнут на все пуговицы, двухцветный шарф лежит на плече строго по уставу, даже отблески свечей играют на лысине совершенно по-особенному. Молча прошел на свое место, уселся и с суровой торжественностью окинул нас орлиным взглядом. Докс сгорбился за столом так сильно, что совсем скрылся за кипами бумаг, и еще усерднее заскрипел пером. Крум же, не отрываясь, глядел на Плумкиса, беззвучно шевеля губами, читая, по всей видимости, молитву. Я смотрел на старшего советника краем глаза, старательно переписывая очередной отчет муниципального комитета по благоустройству. Нет, определенно, гере Плумкис умеет производить впечатление.

– Итак, гере канцеляристы, – тихо и торжественно сказал Плумкис.

Я почувствовал, как ноги помимо воли поднимают меня со стула. Наверное, то же самое ощутили Докс и Крум, такая внутренняя сила, трогающая тонкие струны канцелярской души, звучала в негромком голосе старшего советника.

– Итак, гере канцеляристы, – продолжил Плумкис, – сообщаю вам... Сообщаю вам, что через день в город приезжает комиссия генерального инспектора.

Он замолчал, выдерживая интригующую паузу. Пока еще мы не услышали ничего нового, все это уже успел высказать начальник Канцелярии. Новость, конечно, интересная, но не настолько, чтобы в голосе спокойного и уверенного в себе старшего советника зазвучали такие торжественные ноты. Комиссия генерального инспектора наведывается в город раз в два месяца. Разумеется, событие это рядовым назвать никак нельзя, после каждого наезда инспекторов нескольких чиновников из магистрата увозили в Столицу, где предавали высо-

кому суду. Некоторые так и не возвращались, но, по правде сказать, такое случалось нечасто. Обычно через два-три месяца они благополучно появлялись дома – похудевшие на скудных харчах Каземата, подтянутые, и готовые трудиться во славу Владетеля.

Это раньше, бывало, проворовавшегося бургомистра без лишних разговоров выводили под руки на площадь и подвешивали за ноги на ближайшем столбе. Где наказуемый находился, как было сказано в Уставе, «до прихождения смерти по естественным причинам». А до того самого «прихождения» площадь оглашалась криками и стонами, что весьма благотворно сказывалось на законопослушности нового бургомистра. Но велика милость Владетеля – повелел он щадить людей своих и не наносить ущерба телам их...

Плумкис еще раз осмотрел нас, остановив взгляд по очереди на каждом.

– Ну, что же, гере, нам предстоит очень серьезная работа. Комиссия Генеральной Инспекции во главе, – он со значением поднял палец, – с первым вице-эксектором прибывает с целью обследования состояния образовательных учреждений и беседы с учениками младшей ступени. Так-то, гере.

Вот это да! Каждый канцелярист, от посыльного, до начальника прекрасно знал, что скрывается за этими словами. Пришло время, и Владетель забирает лучших из лучших детей на воспитание и службу. Лучших из лучших. Великая честь и великая ответственность. Представляю, как сейчас задыхат чинуши из Коллегии образования. В городе примерно триста детей в возрасте от шести до семи лет, всех их надлежит представить перед очами первого вице-эксектора, который самолично произведет должное обследование на предмет физического и умственного развития, а также проверит знания, вложенные школьными учителями. И не дай Создатель, если он сочтет эти знания неудовлетворительными, а усердие деятелей Коллегии образования недостаточным!

Пусть никого не вводит в заблуждение полное название уважаемого учреждения: «Генеральная Инспекция начального образования». Не секрет, что она является ответственным департаментом Тайной Канцелярии, а полномочиями обладает поистине безграничными. В Указе Владетеля об отмене смертной казни и телесных наказаний для чиновного сословия есть единственное исключение, и касается оно именно чиновников, ответственных за образование и воспитание учеников младшей ступени. Так что в лучшем случае нерадивые пастыри могут получить горячих по спине и ниже прямо на ратушной площади. А в худшем... об изобретательности эксекторов из Генеральной Инспекции ходят легенды, так что, какой способ разлучения чиновничьей души с телом будет выбран, остается только гадать. Определенно можно сказать одно – эксекторы очень не любят повторяться.

А все потому, что лучших из лучших детей Владетель забирает к себе под крыло – в далекую и прекрасную Столицу. Им предстоит пройти через одну из Башен Мастеров и стать искусным Инженером, непобедимым Легионером, недремлющим Стражем, или... или неподкупным Эксектором. Лег двадцать назад родители боялись отдавать своих отпрысков, бывало, даже прятали...

Но сейчас все по-иному. Действительно, каждая мать знает, что больше никогда не увидит своего ребенка, у него будет новое имя и новая судьба. Но зато, какая это судьба! Блистательная и великолепная, и семье будущего Человека Башни обеспечен почет и уважение. Для детишек в подвластных Владетелю землях нет более сладкой мечты, чем войти в Башню. Малыши вырастают, сами становятся родителями и надеются на то, что удача улыбнется уже их детям.

Конечно, непросто бывает матерям навсегда расставаться со своими детками, слез и причитаний, ясное дело, хватает. Но ведь не на улицу их выбрасывают, а поручают заботам великого и светлого Владетеля. И, в конце концов, в семьях бывает по пять-шесть детей... Поэтому, когда матери за руку отводят сына, чтобы передать его эксектору, то в их глазах всегда есть немного слез печали и целые потоки слез радости!

Надо отдать должное Плумкису – он не только превосходно играл в трикс, но и умел при необходимости быстро и четко организовать работу, за это, собственно, его и ценили начальники. О начальстве плохо не то, что говорить, даже думать не положено, мысли подобные каждый канцелярист обязан гнать из своей головы, а если не удастся избавиться от них, то доложиться по форме непосредственному руководителю. Все это так, но только слепой не заметит, что гере начальник Канцелярии и в обычные дни, не говоря уж о подобных сегодняшнему, предпочитает лишний раз не выходить из кабинета, передоверяя все дела Плумкису и другим старшим советникам.

Через пять минут Докс бодрой рысью направлялся в секретариат бургомистра, а Крум одну за другой строчил срочные депеши. Я же, как самый младший, несясь, не жалея казенных подошв, в особняк Коллегии образования, расположенный несколько в стороне от центра города – в тихом парке, примыкавшем к ныне заброшенному замку. Раньше, до того как Владетель железной рукой установил закон и порядок, здесь проживал барон, известный своей жестокостью и разгульной жизнью.

Надо сказать, что Коллегия образования всегда пользовалась особым расположением Владетеля. Если наша Канцелярия разместилась в неприметном казенного вида приземистом доме с узкими окнами-витражами, больше похожим на лабаз, чем на присутственное место, то Коллегия занимала чудесный особняк, построенный по преданию для прекрасной фаворитки барона. По тому же преданию жестокий барон ослепил архитектора, дабы не смог он создать ничего столь же красивого и совершенного... Не знаю, я, конечно, не великий ценитель искусств, но выкалывать глаза из-за этого домика с колоннами и фигурными башенками уж точно бы не стал. Когда Владетель освободил город, то сам замок был почти полностью разрушен, а особняк передали Коллегии, чтобы использовать достояние свергнутого тирана для заботы о малых детях.

Осанистый привратник сначала наотрез отказался меня пускать – эка важность, какому-то переписчику из Канцелярии вздумалось передать свиток от старшего советника лично в руки самому гере директору. Не велики персоны – вот ящик для корреспонденции, клади сюда, пусть идет по инстанциям, как положено. А то каждый бродяга захочет лично к гере директору. Дел у него больше нет, только с такими встречаться. Причем слова «с такими» проносились с выражением, показывающим отношение этого уважаемого привратника к Канцелярии вообще, и к отдельным ее сотрудникам в частности. Но не зря Плумкис поговаривал, что когда раздавали ум, то Создатель на мне отвлекся, а вместо этого добавил упрямства и настырности. После недолгих препирательств привратник плюнул и пропустил. Собственно даже не пропустил, а чтобы сохранить лицо, попросту перестал замечать мое присутствие, чем я немедленно воспользовался и быстро прошмыгнул в дверь.

Изнутри особняк практически ничем не отличался от Канцелярии, разве что был чуть просторнее. Я быстро взбежал по застеленной истертым ковром лестнице на второй этаж и уверенно вошел в приемную гере директора.

– Свиток для гере директора от гере Плумкиса! Срочно и лично в руки!

Я специально не упомянул о должности Плумкиса. Пакет от старшего советника – это, согласитесь, звучит как-то несолидно.

Симпатичная секретарша, на мой взгляд, слишком симпатичная для того, чтобы исполнять исключительно секретарскую работу, округлила глаза, скользнула в кабинет директора, вышла оттуда через секунду и пригласила меня войти.

Гере директор изволил обедать. Как раз сейчас он запивал вишневым наливкой тушеную баранью ногу, судя по запаху, изрядно приправленную чесноком. Форменный камзол синего цвета был расстегнут до самого живота, а ботфорты из тонкой кожи валялись рядом со столом, видимо их обладатель предпочитал трапезничать босиком. Директор не удостоил меня взглядом, а что-то неразборчиво пробурчал под нос и протянул руку. Очевидно, баранья нога инте-

ресовала его куда больше депеш из Канцелярии. Я поклонился и молча передал свиток. Он посмотрел на бумагу, увидел, что отправителем является всего-навсего неизвестный старший советник и недовольно поморщился. Стоило ради этого отрываться от обеда.

Впрочем, выражение директорского лица претерпело серьезные изменения после прочтения первых строчек. Признаюсь, я не без злорадства наблюдал за тем, как он выскочил из-за стола и в расстегнутом камзоле, шлепая босыми ногами по дорожному паркету, выбежал из кабинета. Секретарша подхватила с пола ботфорты и поспешила за ним, словно насадка за непослушным цыпленком. К сожалению, любоваться на суету в Коллегии образования, в один момент превратившейся в растревоженный муравейник, у меня не было времени, я спокойно вышел на улицу, помахал рукой изумленному привратнику и отправился назад в Канцелярию, где Плумкис уже рвал и метал, ожидая доклада. Когда я робко напомнил о настоятельном пожелании гере начальника отправить меня подальше с глаз долой, то в ответ получил такой испепеляющий взгляд, что счел за лучшее забыть об этой заманчивой перспективе. К тому же появился шанс, что в суете забудется досадное недоразумение с триксом.

Последующие несколько часов прошли в непрерывной беготне. Неумная энергия Плумкиса сделала свое дело, и к концу дня все, кого хоть как-то касался приезд высокой комиссии, были поставлены в известность и усердно готовились к встрече. Срочно собранные со всего города рабочие что-то подкрашивали в Зале Большого Экзамена, расположенного, согласно Уставу, в здании Ратуши, в секретариате бургомистра суетливые клерки сверяли списки, а члены Коллегии лично обходили дома и собственноручно вручали повестки родителям подходящих по возрасту учеников. Можно быть уверенным, что очень многие в нашем городе не будут спать в ближайшие две ночи. А вдруг их детям улыбнется удача, и светлое око Владетеля именно на них остановит свой благосклонный взгляд? Ибо нет большей мечты для любящих отцов и матерей, чем прекрасное будущее их чад в объятиях великого повелителя Вселенной.

Вечером нас собрал Плумкис. Оглядевшись по сторонам, он засунул руку куда-то под стол и выудил оттуда изрядную бутылку, оплетенную молодой лозой, как это принято у маронских селян.

– Ну что, гере канцеляристы, – сказал Плумкис, – мы славно потрудились и можем позволить себе по капле этого божественного нектара. По капле, гере, именно по капле, завтра с утра всем надлежит быть на месте. И не дай бог кому-то опоздать, – последние слова он говорил, сурово глядя на меня. А я, между прочим, за все время ни разу не опоздал на службу. Ни разу!

Старший советник не обманул – напиток, и правда, оказался волшебным – из тех, что сельские умельцы настаивают на тайных травах. Все-таки хороший парень этот Плумкис. Жалко будет, если получит повышение... Тепло из желудка с током крови распространялось по всему телу, приятно расслабляя и снимая усталость. Увидев блаженные улыбки на лицах Крума и Докса, я живо представил, что сам выгляжу также глупо. Противиться расслабленному состоянию совсем не хотелось, и я закрыл глаза. Завтра будет новый день. Очень трудный день...

Департамент делопроизводства Тайной Канцелярии. Сектор Учета и Направлений. Служебное объяснение об особом направлении. Разглашению не подлежит.

«...Именное Указание Великого Маршала Бериара.

Исполнитель: младший подэкзекутор Михамель Брук.

Основание назначения исполнителя: прохождение Башни Убийц.

Сущность Указания: устранение персоны, указанной Великим Маршалом Бериаром.

Сроки исполнения Указания: немедленно.

Методы исполнения Указания: на усмотрение исполнителя.

Полномочия исполнителя: ограничены ближним кругом устраняемой персоны.

Особые отметки: устраняемая персона отличается коварством и изворотливостью. Соблюдать чрезвычайную осторожность.

Отметки Департамента Укомплектования и Обеспечения: исполнителю выданы ниже следующие документы и подотчетные ценности:

дорожная грамота на имя младшего советника муниципальной Канцелярии Наханиэля Постолопулоса,

служебный ордер на имя младшего советника муниципальной Канцелярии Наханиэля Постолопулоса,

полновесные монеты новой чеканки в количестве двадцати четырех штук,

полновесные монеты имперской чеканки в количестве семи штук,

медной монеты четверть фунта,

вексель на предъявителя на тысячу полновесных монет Столичного банковского дома.

В получении указанных документов исполнитель оставил собственноручную подпись.

Отметки Департамента Наставлений: наставление о сущности указания, должном поведении и неукоснительном следовании Уставам и Наставлениям проведено младшим экзекутором Калаусом Оммом, о чем исполнитель оставил собственноручную подпись...»

Аптекарь дядюшка Штокс не мог поверить в удачу. Три дня назад объявился заезжий перекупщик, предложивший целый мешок синекамня по смехотворной цене. Вы спросите, почему дядюшка Штокс не сообщил куда следует о столь подозрительном предложении? Ну что вы, старый аптекарь не зря дожил до семидесяти лет и сам может научить кого угодно правильным мыслям. Украл-не украл продавец этот несчастный синекамень доподлинно неизвестно, только если за дело возьмутся стражники, мешка точно не видать. А товар хороший, ох какой хороший, хотя сейчас не сезон, и покупателей быстро не найти. Зато весной улетит за милую душу. Здесь повсюду бахчи, а если синекамень развести водой и как следует полить грядки, то арбузы растут как на дрожжах, а дыни получаются размером с крупную тыкву. Так что, через полгода можно если не озолотиться, то, по крайней мере, припрятать пару-тройку полновесных монет с профилем Владетеля в заветный тайничок у дальней стенки дома.

И вдруг – вторая удача! Сегодня приходит человек, и просит – вы не поверите – именно мешок синекамня. И готов отдать за него любые деньги! Интересный такой, вежливый, участливый, дорожную грамоту показал, имя у него еще смешное – Постолопулос. С запада, наверное, там целое поселение всяких «Лопулосов» есть, мастера они выращивать винную ягоду. Из нее делают чудный хмельной напиток и поставляют к столу самого Повелителя Вселенной.

Ну что же, если этот несчастный решил подзаработать на удобрениях, не стоит ему мешать, пусть поймет, как горек хлеб бедного аптекаря. Он, что, думает, это так просто сохранить такой деликатный товар до весны? Чуть не досмотришь за сыростью, и все – драгоценный синекамень втягивает воду как губка и превращается в булыжник, не уступающий по прочности граниту, который и кайлом непросто раскрошить будет. А если, не дай Создатель, попадет в него известь сухая, то полежит-полежит, да и полыхнуть может. Вон, два года назад в Столице целая лабазная улица выгорела дотла. Дым стоял такой едкий, что залетевшие в облако птицы замертво падали на лету, а люди бежали из своих домов.

Вообще-то, синекань этот – весьма полезная штука. На рудниках его варят в горном укусе, снимают осадок и мешают с угольной пылью и серой. Получается порошок, горящий жарким бездымным пламенем и производящий гром, которым можно крушить скалы.

Дядюшка Штокс, тяжело вздыхая, так, словно он только что разорился, сложил монеты в мешочек и собрался совершить приятный поход к заветному тайничку. Однако, многолетняя привычка к порядку взяла свое, он смел мягкой щеточкой со стола остатки синеканья, просыпавшегося, когда покупатель смотрел, не отсырел ли порошок. И тут у него возникло странное ощущение, что произошла какая-то ошибка. Аптекарь взял щепотку, поднес к носу и принюхался. Потом быстро положил в бронзовую ступку, взял с полки флакончик с прозрачной жидкостью и добавил несколько капель. Порошок вспенился и зашипел. Аптекарь не смог сдержать удивленного возгласа.

Это был не синекань, а камеш – редкий минерал, добываемый в Багровых Горах. Куда дороже обычных удобрений. Его используют при изготовлении красок, и еще для чего-то, ведомого лишь Инженерам Владетеля. Как же он прогадал! Держал в руках целое состояние, и все отдал этому мошеннику за бесценок. Дядюшка Штокс чуть не разрыдался. Ну, надо же! Камеш – это не шутки, это, знаете ли... Правда, если кто-то вздумает вываривать его в горном укусе, тому не поздоровиться. Гроыхнет так, что костей не соберешь. А ведь по виду с синеканем не различишь. На ощупь, правда, он колючее, что ли... и пахнет... пахнет пылью. Даже опытный аптекарь может ошибиться...

В то самое время, когда бедняга Штокс сокрушался о своих потерях, в трех милях от тракта, ведущего в Столицу, полыхнул белым жарким пламенем и загорелся, как стог сухого сена, деревянный лабаз, три дня назад арендованный столичным торговцем. Когда увидевший зарево староста соседнего хутора подъехал к месту пожара, то от добротного здания, сложенного из толстенных бревен еще при прошлом Императоре, осталась лишь груда дымящихся головешек. Подошедшие крестьяне чесали затылки – какой же жар должен быть, чтобы эти бревна сгорели дотла, да еще так быстро.

Староста сначала велел разобрать пепелище, не дай бог в лабазе был кто из людей, но потом махнул рукой. Даже если и сгорел кто-нибудь, все равно не найдешь, даже косточки в пепел рассыпались. Да и разве добрый человек останется в таком месте на ночь? Сторожа тут отродясь не было, лабаз давно стоял пустым. Бродяг да разбойничков – слава Владетелю – повывела дорожная стража, может, и шалят они, где поближе к окраинам, да только здесь, у самой Столицы, уже лет пять никого такого не видно. Говорят, днем приезжий торговец затащил в лабаз большой мешок, но ведь не остался же он этот самый мешок ночью караулить. Укатил, наверное, на постоялый двор, завтра придет, увидит, поди не обрадуется! Староста не смог сдержать злорадной ухмылки – он очень не любил столичных торговцев.

– Итак, вы докладываете мне об очередной неудаче.

Голос Владетеля звучал неожиданно спокойно. Он не спрашивал, а просто констатировал факт. И от этого спокойствия у Элиаса Бериара, Великого Маршала Тайной Стражи, перехватило дыхание и похолодело в груди, как раз там, где у обычных людей должно находиться сердце. Слишком многие утверждали, что у страшного начальника Тайной Стражи его нет, а вот, оказывается, что есть оно, и трепещет так же, как и у всех остальных.

– Да, Владетель.

Владелец сидел на своем любимом кресле, обитом мягчайшей кожей снежной косули и задумчиво смотрел на коленопреклоненного Бериара.

– Что же, – сказал Владелец, – похоже, мальчишка действительно ведет свою игру. Что произошло?

Бериар поднял взгляд на повелителя.

– Точно не известно. Убийца погиб при пожаре на старом складе. Согласно последнему отчету, он установил маршрут беглеца и планировал устроить гремучую ловушку. По всей видимости, ошибка при изготовлении громовой смеси. Возможно это случайность.

– Случайность? – усмехнулся Владелец, – Четыре лучших Убийцы выходили по его следу. И где они, эти четверо? Все погибли. Каждый раз причиной смерти была трагическая случайность. А я думал, что это ты у нас главный мастер случайной смерти. В твоих докладах стало много слов «возможно» и «по всей видимости».

– Простите, Владелец...

– Простить? За что? За то, что этот мальчишка умнее всех вас вместе взятых? Так это не твоя вина. Мне не раскаяние нужно, а работа. Что ты собираешься делать?

– Владелец, – Бериар говорил медленно, тщательно подбирая слова, – Владелец сказал, что это были лучшие Убийцы...

– Не хочешь ли ты сказать, что осмелился послать не самых лучших?!

– Нет, нет, – заторопился Маршал, – это и вправду были лучшие... из тех, кто у нас есть.

– Что ты имеешь в виду?

– Владелец помнит славную битву с герцогом Маронским?

Владелец привстал на кресле и пристально посмотрел в глаза Бериару.

– Да. Есть еще один. Самый лучший. Первый и последний. Только я сам приказал умертвить Мастеров, вырастивших его. Нам не нужно оружие, которым так трудно управлять. И не забывай, было сказано Слово. Как ты намерен заставить его повиноваться?

– У меня есть план, – просто сказал Бериар, – я прошу дозволения Владетеля изложить его.

II

Мне никогда не удавалось войти ночью в дом, не разбудив Марту. Единственный человек в мире, который всегда знает, где я и что со мной. Всегда. Пытаться обмануть ее бесполезно.

Она ждала в столовой, сидя в кресле с вязаньем в руках. Роник уже спал. Мальчик спит очень чутко, поэтому Марта говорила еле слышно, громким шепотом. От ее голоса у меня по спине пробежала теплая волна... Понимаю, что нельзя быть таким сентиментальным. Излишняя чувствительность вредна для работы канцеляриста. Но, увы, поделать ничего не могу.

– Ужинать будешь?

Я кивнул. Только сейчас осознал, что за весь день во рту не было ничего, кроме глотка эликсира Плумкиса.

Марта стояла у плиты с потрескивающими за чугунной заслонкой угольками и помешивала густую чечевичную похлебку. Она знает, что я люблю погорячее.

– Приходили из Ратуши, – сказала Марта, не оборачиваясь, – по поводу Роника.

– Я знаю.

– Как ты думаешь, нам может повезти?

Я усмехнулся.

– Повезти... В городе триста двенадцать детей в возрасте отбора. Сто пятьдесят два мальчика и сто шестьдесят девочек. А отбирать будут восемь человек. Всего лишь восемь. И то, если наберут достойных, обычно двоих-троих. Так что, лучше не думать об этом.

– Это правда, – согласилась Марта, – вечером заходила Бритта, та, рыжая, жена мясника. Она говорила, что ее сынок обязательно поедет в Столицу. Что ее муж уже поговорил с кем надо и все устроил.

Я улыбнулся. Ну конечно, мясник поговорил «с кем надо»!

– А ты слушай больше эти глупости. Как ты себе представляешь – мясник с нашей улицы дает взятку экзекутору Владетеля? Охота тебе слушать бабские сплетни?

– Интересно, а какие еще сплетни мне слушать?

– Слушай что угодно, только думай немножко!

Марта рассмеялась, поставила передо мной миску с похлебкой и, держа каравай на весу, как это делают в деревне, отрезала ломоть хлеба.

– Ты такой смешной, когда злишься!

Я уткнулся в тарелку, а она подошла сзади, взъерошила волосы и обняла за плечи.

– Ты не думай, я все понимаю. Я знаю, что Бритта – надутая дура. Просто... просто я очень хочу, чтобы нашему Ронику улыбнулась удача. Представляешь, если он поедет в столицу, к Владетелю? Роник сначала в Башне, потом во Дворце. Нет, ты представляешь?

Я молчал. Марта вздохнула. Ох, знакомы мне эти вздохи! Марта, Марточка, сейчас пойдет к Ронику, встанет над кроватью и будет мечтать о том, какой из него выйдет прекрасный слуга Владетеля, какое чудесное будущее его ожидает... Пусть мы больше никогда его не увидим... Пусть у него будет новое имя и новая жизнь... Зато каким он станет человеком. Великим. И счастливым. И, может быть, он когда-нибудь приедет к нам... Он же не забудет нас, ведь правда? Представляешь, непобедимый Стратег, искусный Инженер, или могучий Легионер Владетеля...

Эх, девочка моя...

– Что с тобой? – испуганно спросила Марта.

Я растерянно посмотрел на свою руку. Оказывается, я с такой силой сжал железную ложку, что лопнула кожа на ладони, и кровь тоненьким ручейком струилась по запястью.

– Ничего страшного, сегодня порезал руку, видно царапина разошлась.

Надеюсь, мой голос звучал не слишком фальшиво.

– Бедный, – пожалела Марта, – пойду, принесу чистую тряпочку, надо перевязать.

Она вышла. Я посмотрел ей вслед, бросил ложку на стол и отодвинул тарелку. Затылок и плечи свело вязкой тянущей болью, я закрыл глаза и сжал голову ладонями, пытаясь избавиться от внезапно появившегося предчувствия беды. Девочка моя... Роник... Этого не может случиться с нами... Нет, не может. Пришло почти физическое ощущение того, насколько хрупким был маленький мирок, построенный для нас троих.

– Да что же с тобой?!

Марта испугалась по-настоящему. Она стояла в дверях, прижав руки к груди, и смотрела на меня так, словно увидела первый раз в жизни.

– Ничего, – я попытался улыбнуться, – просто очень устал... Был тяжелый день, разболелась голова. Ничего страшного, сейчас все пройдет.

Она осторожно приблизилась. Великий Создатель! Она меня боится! Марточка, ты что! Продолжая улыбаться, я взял ее руку и приложил ладонь к своему лбу. Ладонь была мягкая и теплая, она пахла молоком и Роником.

– Вот видишь, уже все прошло.

Марта отняла руку и рассмеялась.

– Фу ты, глупый, испугал! Давай руку, перевяжу.

Она поставила на стол плошку с водой, промыла рану и перевязала чистой тряпицей.

– Больно?

Я покачал головой.

– Терпеливый ты мой... А я даже испугалась. У тебя глаза были такие... такие темные. И страшные.

– Ага! – я страшно зарычал, – Я вообще страшный. Хотя некоторые говорят, что глаза у меня все-таки голубые.

Марта, кажется, совсем успокоилась.

– Ух, какой серьезный! Прямо зверь дикий. Защитник ты наш. Гере переписчик третьей ступени.

– Второй.

– Второй-второй. А скоро будешь первой... – она вздохнула. Было видно, что занимают ее совсем другие мысли.

– Ладно, – сказал я, – пойдем спать. Завтра вставать рано.

Наутро Плумкис был бодрым и свежим, как пупырчатый огурчик с грядки, чем выгодно отличался от изрядно помятых Крума и Докса. Глядя на их невыспавшиеся физиономии, я представлял, что выгляжу немногим лучше.

Плумкис приоткрыл дверь и посмотрел в зал, где собрались родители с детьми. Шум стоял, как на воскресной ярмарке. Три несчастных чиновника из Ратуши совершенно выбились из сил, пытаясь вразумить неуправляемую ораву мамаш, доказывающих, что именно их чадо просто создано для служения Владетелю. И напрасно взмокли чиновники объясняли, что лично от них ничего не зависит, и что их задача – увидеть самого ребенка, переписать имя в формуляр и предоставить на рассмотрение Комиссии. И все! И не надо рассказывать о многочисленных талантах ваших отпрысков. Разговаривать с ними будет лично гере экзекутор. Лично! Вы знаете, кто такой гере экзекутор? Знаете? Ну, тогда просто ответьте на несколько вопросов и до завтрашнего утра можете быть совершенно свободны!

Плумкис любовался на происходящее с выражением художника, осматривающего созданную им картину.

– Да, гере, – он прикрыл дверь, – можно быть уверенным, что завтра все будет прекрасно. К встрече гере эзекутора все готово?

– Да, да, – закивал Крум, – освободили постоянный двор «У подковы». За ночь привели в порядок комнаты. Новое белье доставят сегодня от белошвеек. Портьеры поменяли. Посуду предоставляет лично гере бургомистр... грузчики разбили половину сервиза, но гере бургомистр претензий не высказал. Продукты доставляют зеленщик Булис и мясник Руппс. Да, гере канцеляристы, – Крум рассмеялся, – мясник просил замолвить словечко за его сына. Предлагал свежайшие продукты.

– Так что же вы отказались? – ухмыльнулся Плумкис, – Сейчас парочка кровяных колбасок не помешала бы.

– Я как-то... – опешил Крум, – Не знаю... Гере эзекутор...

– Не смущайтесь, дружище, – Плумкис хлопнул его по плечу, – я же пошутил.

Я едва сдержал улыбку, вот, оказывается, с кем переговорил предприимчивый мясник. И, правда, Круму стоило взять с него несколько колбасок. В воспитательных целях, так сказать.

– Кстати, Рюмпель, – обратился ко мне старший советник, – вас хочет видеть гере директор Коллегии образования.

– Меня? – я меньше всего ожидал интереса со стороны столь высокого начальника.

– Именно вас. Понимаете, на время визита гере эзекутора к Коллегии всегда прикомандировывается сотрудник Канцелярии. Для связи, так сказать. И Коллегия запросила вашу кандидатуру. Наверное, ваш вчерашний визит произвел на них неизгладимое впечатление. К тому же, вы получили прекрасный отзыв от Тайной Канцелярии. Они особо отметили вашу изобретательность и настойчивость.

А вот это как раз неудивительно. От вчерашнего привратника за милю разило Тайной Канцелярией.

– И... и что я должен делать?

– Вы что, Рюмпель, правил не знаете? – пожал плечами Плумкис, – Обратитесь в Общий департамент, возьмите открепление, подпишите его у начальника и отправляйтесь в Коллегию. Представьтесь по форме и приступайте к работе.

Он хотел что-то сказать Круму, но заметив, что я остаюсь на месте, повернулся ко мне:

– Как Рюмпель, вы еще здесь?

– Да, да, – я вскочил со стула так энергично, что тот упал, – бегу, гере старший советник.

Делопроизводитель Общего отдела, толстая девица с прилизанными волосами сначала наградила меня привычным недовольным взглядом, но тут же расплылась в широкой улыбке. Я несколько раз сталкивался с ней в коридорах Канцелярии, и у меня сложилось стойкое убеждение, что моя скромная персона интересует ее не только в плане своевременной сдачи недельных отчетов. Однажды она сама заговорила со мной, но я, воспользовавшись случаем, улизнул. Сия работница печати и штампа была совсем не в моем вкусе. Отдельные дефекты фигуры еще можно как-то перенести, но окружавший ее запах сургуча меньше всего настраивал на романтический лад.

– Гере Рюмпель, – сказала она низким грудным голосом, – ваши бумаги готовы.

Я развернул запечатанные свитки. В одном была заявка на командирование переписчика второй ступени Рюмпеля в распоряжение Коллегии образования сроком на три дня с размашистой подписью директора. А вторая – это направление от Канцелярии.

– Ах, гере Рюмпель, – сладко сказала делопроизводитель, – вы пользуетесь такой популярностью. Секретарь директора Коллегии лично приносила заявку. Вы произвели такое впечатление на эту наивную девушку...

Я вспомнил чувственные губы и достаточно откровенный наряд секретарши Директора. Слово «наивная» меньше всего подходило к ее образу.

– Гере, Рюмпель, – она перешла на шепот, – у нас будет время поговорить... После вашей командировки, разумеется?

Я пробормотал что-то неопределенное и вышел из приемной. Работниц Канцелярии я вообще не воспринимал как женщин. Мне только не хватало приключений с этой особой.

В приемную начальника Канцелярии я попал не сразу. Арестанты в серых робах, подбадриваемые командами одноногого капрала в медном шлеме, спускали со второго этажа огромный шкаф, и подняться по лестнице не было никакой возможности. Канцелярия поддавалась всеобщему энтузиазму, связанному с подмазкой, подкраской, ремонтом и вообще улучшательством вверенных помещений и городских улиц. Похоже, ввиду чрезвычайной необходимости дали «добро» на использование в качестве подсобных рабочих арестантов, содержащихся в городских участках. Интересно, кто же это согласовал допуск столь неблагонадежных лиц в святая святых – здание самой Канцелярии?

Гере начальник, заложив руки за спину, стоял у дверей своего кабинета. Рядом пристроился референт с папкой и выражением радостной готовности, придававшей ему сходство с собакой, преданно смотрящей на хозяина. Наш начальник был единственным руководителем в городе, предпочитающим иметь в качестве личного помощника мужчину. Следует сразу сказать, что причина этого отнюдь не в каких-то отклонениях, а в ревнивом и склочном характере его супруги.

– А-а, Рюмпель! Мы вас уже заждались!

Со вчерашнего дня меня уже трудно чем-либо удивить. Но, согласитесь, когда подобное адресуется начальником Канцелярии рядовому переписчику...

Референт положил бумагу на папку и поднес перо с чернильницей, начальник широко расписался на направлении, поставив точку с такой силой, что перо сломалось.

– Надеюсь, Рюмпель, что вы не уроните... Поддержите, так сказать, репутацию нашей Канцелярии. Я на вас надеюсь, Рюмпель, очень надеюсь...

Он хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и зашел в кабинет, закрыв за собой дверь. В приемной остался референт с пустыми глазами и приклеенной улыбкой. Я аккуратно взял у него из рук подписанный документ и направился в Коллегию образования.

Привратник приветствовал меня как старого знакомого. Даже открыл дверь и проводил до лестницы. Не знаю, что следует думать о такой неожиданной популярности, особенно, если она связана с вниманием Тайной Канцелярии. Не могу представить, чем мог заинтересовать столь уважаемые инстанции скромный переписчик второй ступени.

Впрочем, особо торжественного приема в Коллегии я не удостоился. Секретарша довольно сухо поздоровалась, приняла направление, засунула его куда-то под стол, жестом показала на диванчик в углу приемной и углубилась в чтение бумаг. Не могу сказать, что это меня расстроило. Слишком много в последние время было суеты.

Я уселся тихонечко в уголке и стал наблюдать за работой учреждения. В приемную один за другим заходили озабоченные люди. Секретарша с ловкостью ярмарочного фокусника принимала свитки, ставила штампы, запечатывала и раскладывала по ячейкам полученную корреспонденцию. Кому-то, наоборот, выдавала бумаги, причем доставала их не глядя, и за все время не допустила ни единой ошибки. Несколько человек она проводила в кабинет директора. Все это, конечно, интересно и познавательно, но кто мне объяснит, что должен делать я? Нет, я вовсе не старался найти себе лишнюю работу, просто не хотелось попасть в ситуацию, когда по незнанию не выполню своих прямых обязанностей.

Наконец, из кабинета вышел сам гере директор и направился ко мне. Лицо его излучало радушие.

– Гере Рюмпель! Что же вы сидите, вы вас ждем!

Я встал и, как положено по Уставу, приветствовал директора. Он замахал руками, подхватил меня под локоть и повел в кабинет. Провожавшая нас взглядом секретарша улыбнулась весьма многообещающе.

– Гере Рюмпель, гере Рюмпель, – быстро говорил директор, – я надеюсь, мы сработаемся, я просто уверен в этом. Такая ответственность, такая ответственность... Мы так рады, так ждем гере экзекутора, так ждем. И я очень рад, что нам рекомендовали именно вас!

Стоп! Я так удивился, что чуть не перестал улыбаться. А я-то был уверен, что это именно Директор пожелал видеть меня в качестве прикомандированного сотрудника. В этой ситуации как-то неуместно расспрашивать о том, кем был неизвестный, так настоятельно рекомендовавший неприметного переписчика. И сделавший это так убедительно, что руководители солидных учреждений выскакивают из кабинетов, дабы лично засвидетельствовать свое уважение.

Тем временем директор усадил меня за стол и щелчком пальцев вызвал секретаршу, в мгновение ока расставившую вазочки со сладостями и графинчики с наливками.

– Попробуйте вот это, гере Рюмпель, – суетился директор, – плоды шихсу в карамельной глазури. В это время года – страшная редкость. И наливочки, наливочки. Ручаюсь, такой вы не пробовали.

Я взял из вазочки темную горошину и бросил в рот. Могу сказать, что гере директора ввели в заблуждение – это были вовсе не плоды шихсу, а резаный хрус. Отдаленно напоминающий шихсу, но стоящий раз в десять дешевле. Именно поэтому они и в глазури, портить карамелью изысканный вкус экзотических ягод может только абсолютный дилетант. Но вслух сказал:

– Поразительно вкусно.

Я пригубил наливку и обнаружил, что она действительно прекрасна.

Директор расплылся в улыбке, словно получил маршальское звание.

– Вот видите, нам следует почаще общаться, – он погрозил пальцем, – это будет полезно для нас обоих... Угощайтесь, угощайтесь.

На это ответить было нечего. Осталось последовать настоящему призыву гере Директора и отдать должное угощению. Пока я по очереди дегустировал экзотические сладости, сам он смотрел на меня совершенно по-отечески, с выражением, какое бывает у родителей, радующихся хорошему аппетиту любимого ребенка.

Придвинув очередную вазочку, директор как бы между прочим произнес:

– А как насчет вот этого? Уверю вас, это волшебно... да, именно волшебно... Гере Рюмпель, вы же знаете, гере экзекутор прибывает сегодня вечером.

А вот этого я, конечно же, не знал. Вообще-то предполагалось, что он появится завтра. Хотя какая, скажите, разница... Но в ответ важно кивнул.

– Прекрасно, прекрасно... Я могу рассчитывать, что вы представите меня гере экзекутору?

Тут я чуть не поперхнулся. Великий Создатель, за кого же они меня принимают? Ситуация непростая – сказать «да» – значит заведомо солгать вышестоящему начальнику. А простой отказ приведет к долгим и непродуктивным объяснениям с тем же начальником. Поэтому я выбрал наиболее обтекаемый вариант:

– Да, гере директор, разумеется, при первой возможности...

Он снова заулыбался:

– Благодарю вас. Гере начальник Канцелярии много хорошего рассказывал о вас, очень много.

В кабинет вошла секретарша, наклонилась к директору и что-то сказала на ухо. Могу поклясться, что она специально выгнула спинку, демонстрируя совершенство фигуры.

Директор встал. По выражению его лица я понял, что произошло нечто чрезвычайное.

– Гере экзекутор прибыл в город, – торжественно объявил он.

Я продемонстрировал неподдельный восторг от подобного известия. Директор заспешил на выход, и я, естественно, последовал за ним, провожаемый томными взглядами прекрасной секретарши. Все-таки, в тесном общении с большим начальством есть свои преимущества: с утра сбил все ноги, пока добирался до особняка Коллегии, а вот обратный путь в личном экипаже Директора, запряженном четверкой лошадей, занял всего несколько минут.

Весь цвет города уже находился на Ратушной площади. Кроме руководителей присутственных мест и бургомистра здесь же собралась толпа восторженных горожан с цветами и плакатами, в основном состоящая из экзальтированных женщин среднего возраста. Пока гере директор здоровался с высокими чинами и избранными горожанами, я счел за лучшее отойти к стоявшему в сторонке Plumkisu. Тот встретил меня усмешкой:

– А, Рюмпель, вы теперь звезда!

Я пожал плечами и развел руками:

– Понятия не имею, гере Plumkis, что происходит. Гере директор Коллегии уверял меня в своем расположении, и даже сам гере начальник Канцелярии...

– Пользуйтесь случаем, Рюмпель, вы делаете карьеру.

Я вздохнул:

– Боюсь, это может плохо закончиться.

– А жизнь всегда плохо заканчивается, – сказал Plumkis очень серьезно, – раньше, или позже – какая разница? А у вас появился шанс – так используйте его.

Он посмотрел на небо и покачал головой

– Боюсь, начнется дождь. Что же тогда делать с цветочками и плакатами? Столько энтузиазма...

Plumkis захихикал.

– Кстати, директор уже угощал вас поддельным шихсу? Угощал? Знаете, тут такой скандал вышел... Обер-интендант из Ратуши вчера вечером по дешевке закупил у перекупщиков целую коробку. Принес гере бургомистру – расстарался, мол, к приезду гере экзекутора. Гере бургомистр – известный гурман и знаток кулинарии. Он попробовал, и... гере обер-интендант чуть было не отправился на лесозаготовки. К счастью для себя, он придумал разослать это чудо по присутственным местам. Дабы изысканным угощением внушать гостям радость и уважение. А у гере бургомистра началось дрожание сердечной жилы, от чего он два дня лечится мятной настойкой. И долечился до такой степени, что для придания равновесия его поддерживают два капрала. Да вы посмотрите...

Я посмотрел. Бургомистр действительно стоял неестественно прямо, глядя перед собой. Время от времени он начинал клониться в сторону, тогда его подпирал плечом один из бдительных капралов. Сзади перешептывались вице-бургомистры. Можно биться об заклад, что каждый из них уже видит в себя в кресле начальника. Да, неудачное время он выбрал для лечения сердечной жилы.

Гере директор Коллегии, стоящий рядом с бургомистром, заметил мой взгляд и помахал мне рукой, как старому знакомому. Plumkis охнул.

– Ну, знаете, Рюмпель... Каюсь, я явно вас недооценивал. Скажите, у вас нет родственников в Столице?

Я поспешил объяснить, что происходящее является совершенным недоразумением, и что все скоро станет на свои места. Но тот лишь отмахнулся.

– Не прибедняйтесь. Вы определенно произвели на гере директора неизгладимое впечатление. Рюмпель, я поражен!

И в этот момент появился экзекутор.

Судя по приготовлениям, отцы города ожидали появления целого эскорта. Когда в прошлом году приезжал губернатор провинции, его роскошную карету сопровождало два десятка экипажей – охрана, помощники, свита... Там то губернатор маленькой провинции, а здесь сам

первый вице-эзекутор! Правая рука Великого Маршала Тайной Стражи, голос и карающий меч Владетеля.

Рессорная коляска, запряженная четверкой прекрасных вороных восточной породы, стремительно пересекла площадь и остановилась перед ступенями Ратуши. В наступившей тишине было слышно тяжелое дыхание лошадей. Кучер ловко соскочил на землю и с легким поклоном открыл дверцу.

Эзекутор вышел из экипажа и оглядел собравшихся. К нему заспешили директор Коллегии и начальник Канцелярии. Бургомистр тоже сделал шаг вперед, но был подхвачен под руки верными капралами, получившими строжайшие указания от его суровой супруги.

Эзекутор в простом темно-синем плаще с откинутым капюшоном молча поднимался по лестнице. Выражения лица отсюда не разглядеть, но мне почему-то казалось, что на его губах играет тонкая усмешка. Городские начальники суетились вокруг, но он не обращал на них никакого внимания, лишь бросил быстрый взгляд на застывшего бургомистра и его бравых телохранителей.

Я подумал, что, по всей видимости, этот человек отличается недюжинной смелостью – проделать путь от Столицы в наше захолустье – это, знаете, не простое испытание, дороги в дальних провинциях весьма и весьма беспокойные. Хотя... кто знает, на что способны эзекуторы, прошедшие Башню Эзекуторов? А он, наверняка, один из лучших. Да, пожалуй, разбойничкам, позарившимся на такую добычу, можно посочувствовать.

Начальник Канцелярии, низко поклонившись, распахнул перед высоким гостем парадные двери Ратуши. Прежде чем войти, эзекутор становился и обернулся... Великий Создатель! Я был готов поклясться, что он смотрел на меня!

III

Такое впечатление, что к Ратуше пришел весь город. Внутрь пускали одних детей, и поэтому у входа собралась огромная толпа родителей, в основном матерей. Многие малыши плакали и не хотели идти, женщины, как могли, старались их успокоить и подвели к дежурным чиновникам Коллегии образования. Те осматривали маленьких кандидатов в герои, сверялись со списками, ставили галочку и по одному пропускали в Ратушу.

Рано утром мне пришлось заскочить в Канцелярию и поэтому я пропустил самое интересное. Мамаши, пришедшие первыми, подняли вой, и, несмотря на увещевания Бургомистра, попытались прорваться вместе со своими чадами. Тогда из дверей Ратуши вышел сам экзекутор. Он молча окинул темным взглядом бушующую толпу, отчего негодующие родительницы моментально пришли в себя и совершенно успокоились. Экзекутор, не говоря ни слова, вернулся в здание, а стоящие у входа стражники сурово сдвинули алебарды. После этого никаких проблем с родителями больше не было, хотя бургомистр на всякий случай вызвал еще десяток стражников. И сейчас те переминались с ноги на ногу у центрального входа – здоровые, плечистые, в медных шлемах и тяжелых стальных кирасах.

В толпе я нашел глазами Марту. Роник уже вошел внутрь, и она, сжав кулачки, не отрываясь, смотрела на окна. Я помахал рукой, но Марта не видела ничего вокруг себя.

Пройти в здание Ратуши можно было только с черного хода. Во избежание проникновения особо энергичных мамаш там дежурили два стражника. Один из них, несколько раз стоявший на посту у Канцелярии, узнал меня, вытянулся и отсалютовал алебардой. Вот как... Это что, дает о себе знать внезапно возросшая репутация скромного переписчика? Как когда-то за рюмкой вишневки изрек Плумкис: «если сказка доведена до сведения нижних чинов, то с этого момента она превращается в реальность».

Первое, что я увидел, поднявшись на второй этаж – это лежащий на кушетке бургомистр, над которым хлопотал доктор Зустер, называемый за глаза Могильщиком. Уважаемая супруга гере бургомистра, женщина выдающихся размеров и неукротимого нрава, вытирая слезы, сидела подле мужа на стуле. Оказалось, что градоначальник слег сразу после непродолжительного, но энергичного разговора с экзекутором. Стоявший рядом первый вице-бургомистр даже не пытался скрыть довольную улыбку. Ну, на его месте, лично я не спешил бы радоваться. Если уж экзекутор всерьез взялся за городское начальство, то проблемы возникнут не у одного гере бургомистра... Но, это уж точно не мое дело.

В дверях центральной приемной я столкнулся с Плумкисом, любезничавшим с секретаршей вице-бургомистра. Если уж гере старший советник позволяет себе тратить время на неслужебные беседы – а то, что беседа именно неслужебная, было понятно по его медовой улыбке – значит, все идет точно по графику, безо всяких проблем и отклонений.

– Приветствую вас, Рюмпель!

Надо отдать должное, Плумкис в совершенстве владел искусством красноречивых интонаций. Если еще вчера точно такие же слова имели насмешливо-пренебрежительный оттенок, то сейчас они звучали вполне дружески.

Я сдержано поздоровался. Пожалуй, переходить на дружеские отношения с гере старшим советником еще рановато. Мало ли, как все обернется...

Сам он, тем временем, оторвался от секретарши, подхватил меня под руку и увлек в приемную, где собралась масса народа. Здесь присутствовала Канцелярия практически в полном составе, во главе с начальником, примостившимся в уголке на диванчике, и, конечно же, были люди из Коллегии образования. Правда, директора Коллегии нигде видно не было.

Плумкис громким шепотом сообщил, что экзекутор уже затребовал к себе гере Директора, но тот, имея перед глазами поучительный пример Бургомистра, немедленно почувство-

вал острый приступ медвежьей болезни и уже полчаса, как не покидает отхожого места. Особенно тревожно в глазах мнительного городского начальства выглядело то, что на Ратушную площадь подъехали две подводы, груженные лесом. Тут, знаете, любая фантазия разыграется.

Экзекутор расположился в кабинете вице-бургомистра, имеющем отдельный проход в Зал Большого Экзамена, где собрали детей. В самом зале стояла странная тишина – детишки очень волновались и чинно сидели на длинных скамейках, переглядываясь и боясь произнести лишнее слово. Кучер экзекутора, бывший по совместительству его помощником, на цыпочках выходил в зал, близоруко копался в длинном свитке, громким шепотом зачитывал имя, брал ребенка за руку и провожал в кабинет. Двери в зал были закрыты, и перед ними стоял, скрепив руки на груди, не улыбочивый десятник Тайной Стражи. Поэтому наблюдать за происходящим дозволялось через узкие окошки, забранные цветными витражами с изображениями нравоучительных картинок из жизни Владетеля. Неровные стекла искажали фигурки детей, и поэтому прочитать выражение их лиц было решительно невозможно. Я попытался найти Роника, но не смог.

– Гере Рюмпель! Гере Рюмпель!

Я оторвался от окна и оглянулся. По длинному коридору Ратуши бежал сам гере первый вице-бургомистр. Как человеку тучному, каждый шаг давался ему с большим трудом. Приблизившись, он оперся рукой о стенку, и, пытаясь отдышаться, произнес:

– Гере Рюмпель... Вас... Вас гере экзекутор... Просит к себе... Немедленно...

Я воспринял это известие совершенно спокойно. Просто количество странностей, произошедших в последние два дня, превысили уровень, после которого уже ничему не приходится удивляться. Чего ожидать дальше? Может, приглашения от Владетеля на дружеский ужин?

Я пожал плечами и направился в кабинет к экзекутору. Вице-бургомистр шел сзади, тяжело дыша и что-то бормоча про себя.

– Вам сюда, гере Рюмпель, – десятник Тайной Стражи предупредительно распахнул дверь. Вице-бургомистр шагнул за мной, но был довольно бесцеремонно остановлен.

В кабинете царил полумрак. Я осмотрелся. Экзекутор сидел спиной ко мне за массивным дубовым столом, и что-то быстро писал гусиным пером. Немного подождав, я осторожно покашлял в кулак.

– Гере Рюмпель, будьте добры, проходите, присаживайтесь, – голос экзекутора был звонким, красивым и молодым. А я, признаться, думал, что это пожилой человек.

Я подошел к нему и присел на краешек стоящего напротив кресла. Экзекутор закончил писать, свернул лист бумаги в свиток, поставил печать и отложил в сторону. И только потом внимательно посмотрел на меня. Нет, пожалуй, он уже немолод...

– Гере Рюмпель, вы не возражаете, если я займу немного вашего драгоценного времени?

Я поспешил заверить, что сочту за честь служить достопочтенному гере экзекутору, и он может располагать мной безраздельно.

– Прекрасно, гере Рюмпель, прекрасно. Иного и не ожидал.

Экзекутор еще раз бросил пронзительный взгляд, от которого у любого по спине пробегают мурашки, взял со стола лист бумаги, исписанный мелким убористым почерком, что-то прочитал и покачал головой.

– Надеюсь, гере Рюмпель, я могу говорить с вами абсолютно откровенно?

Ничего себе вопрос! Кто я, и кто экзекутор? Мне оставалось еще раз заверить высокого собеседника в своей полнейшей преданности. По-видимому, его это вполне удовлетворило.

– Очень хорошо... Я хотел бы поговорить о вашем сыне, – он снова посмотрел на записи, – о Роне Рюмпеле.

Я внимательно слушал.

– Понимаете, гере Рюмпель, я сегодня имел удовольствие беседовать с этим... мальчиком и был немало удивлен его способностями... немало. Должен поздравить вас, искренне поздравить, вы воспитали для Владетеля прекрасного подданного. Затем я, как вы понимаете, заинтересовался его родителями, то есть вами, господин Рюмпель, и вашей супругой, Мартой Рюмпель. И, знаете, что? Меня заинтересовали некоторые факты. Вот, посмотрите, – он положил передо мной лист бумаги.

Я всмотрелся. Это был рапорт начальника Канцелярии в Тайную Стражу. Там гере начальник писал, что переписчик второй ступени Эрн Рюмпель является сотрудником безынициативным, малокомпетентным, не имеющим достаточной подготовки, с умственным развитием, соответствующим уровню «два минус»... Не знаю, что это за уровень, но, судя по общему тону рапорта, какой-то он до обидного невысокий.

Пока я читал, то все время ощущал тяжелый взгляд эзекутора. Но, подняв глаза, обнаружил на его лице вежливую и даже добродушную улыбку.

– Понимаете, гере Рюмпель, я просмотрел все документы, которые могут характеризовать вас и вашу супругу с той или иной стороны, – он показал на свитки, аккуратно сложенные на краю стола, – рапорты со службы, справки из Тайной Канцелярии, записки от Городской Стражи, даже доносы соседей. И знаете, что я обнаружил?

Я изобразил на лице живейшее внимание.

– Я обнаружил, что вы являетесь весьма и весьма посредственной личностью, – продолжал эзекутор, – именно – посредственной. В этом нет ничего недостойного, абсолютное большинство подданных Владетеля таковыми и является. Тем более, что вы – человек добропорядочный, в предосудительном поведении замечены не были, ваш образ мыслей достоин подражания, все сказанное мной в полной мере относится и к вашей супруге, но, – он внушительно поднял указательный палец, – но! Скажите, вы знаете, кто такой Леонидус?

Вопрос застал меня врасплох.

– Простите?

– Я повторяю, Рюмпель, вы знаете, кто такой Леонидус?

– Это... кажется... философ-максималист второго века. Мы проходили его в школе.

– Все верно... В школе... – Эзекутор наклонился ко мне и сказал громким шепотом, – а разве в школе изучали трактат «Об устройении мира»?

– Кажется, нет...

– Совершенно точно, нет. Однако я имел удовольствие обсудить несколько глав из него с вашим сыном. И, представляете, обнаружил достаточно глубокие знания и рассудительность. Вы читали Леонидуса?

– Нет...

Эзекутор откинулся на спинку кресла, словно удовлетворенный ответом.

– Я в этом не сомневался. Я считаю, что ваша супруга также вряд ли когда-либо разворачивала свитки с его произведениями. Но скажите, в таком случае, откуда у вашего сына подобные знания? Более того, я обнаружил, что, вообще, уровень развития ребенка значительно превосходит то, что вы могли в него вложить. Я повторяю: значительно.

Я молчал.

– Что же, гере Рюмпель, у вас есть какие-нибудь предположения? Вы вообще, понимаете, о чем я говорю?

Мне оставалось лишь развести руками.

– Ну что же, – спокойно сказал эзекутор, – вариантов не так много. Либо вы не тот, за кого себя выдаете, – он покачал головой, заметив мой протестующий жест, – я, правда, считаю это маловероятным, ваша биография на первый взгляд кристально чиста, и вы лично не вызываете подозрений... Естественно, будут дополнительные проверки, но опыт подсказы-

вает мне, что они ничего не дадут... Либо, существует какой-нибудь еще источник знаний, неизвестный нам. У вас есть мысли по этому поводу?

– Нет.

– Ну что же... В любом случае, я сообщаю, что ваш сын, Рон Рюмпель, выбран мной для представления Владетелю и прохождения обучения в Башне Мастеров. Гере Рюмпель, что с вами?

Вероятно, он увидел, как изменилось мое лицо.

– Я понимаю, гере Рюмпель, ваши чувства. Это такая честь. Я хотел бы предупредить, что наш разговор не должен выйти за пределы этих стен. Выбор экзекутора является государственной тайной, личной тайной Владетеля. Я посвятил вас в нее только потому, что, после обнаружения несоответствий, хотел побеседовать с вами. Сегодня вечером я уезжаю, завтра утром буду в Столице, и после моего доклада Владетелю намерен вернуться за вашим сыном. Надеюсь, что такое благосклонное внимание Владетеля не вскружит вам голову? Вы ведь человек разумный и ответственный, правда? Итак, я могу рассчитывать на ваше молчание?

Что я мог сказать? Вопрос был излишним, такого рода просьбы экзекутора исполняются неукоснительно. А для желающих подискутировать отведен специальный участок на дальнем конце городского кладбища.

– Вот и прекрасно. Итак, вы поняли, никому. Даже жене. В первую очередь жене. Все, вы свободны.

На негнущихся ногах я вышел из кабинета. Голова кружилась с такой силой, что пришлось прислониться спиной к стене. Подскочил ставший невероятно предупредительным Плумкис.

– Что с вами Рюмпель? Вам плохо?

Я отстранил его руку, держащую меня под локоть.

– Все нормально, гере Плумкис. В кабинете гере экзекутора очень душно.

– Душно, что вы говорите, – воскликнул прислушивающийся к разговору первый вице-губернатор, – вот в таких условиях нам приходится работать! Гере экзекутор не жалеет себя, решительно не жалеет.

Мне пришлось выслушать его излияния. Оказывается, я был единственным чиновником, который вышел от экзекутора и не был сразу же подхвачен под белы ручки серьезными ребятами из Тайной Канцелярии. Правда, этой участи миновал также гере бургомистр, но его из кабинета попросту вынесли ввиду обострившейся болезни сердечной жилы.

Все происходившее потом практически полностью стерлось из памяти. Я с кем-то разговаривал, отвечал на вопросы, жал руки, хлопал по плечу, и все это время ухитрялся держать на губах широкую улыбку. Плумкис, почувствовавший неладное, отважно пришел на помощь, искусно отвлекая разговорами основную массу желающих пообщаться. В этот момент я испытывал к нему самую искреннюю благодарность. Еще помню, как вице-бургомистр, тяжело дыша, бегал на конюшню проверять, готовы ли к выезду кони из личной упряжки гере экзекутора.

Я пришел в себя у порога дома. Наступил вечер, солнце почти скрылось за горизонтом, и на небе одна за другой зажигались звезды. Прежде чем войти, я несколько минут собирался с духом, потом несильно толкнул дверь. Конечно же, она была не заперта. И, как обычно, обмануть Марту не получилось. Она сидела за столом и смотрела на дверь, словно ожидая моего прихода. Роник устроился рядом, что-то старательно рисуя на листе кусочком угля. Когда он рисует, у него такой забавно-сосредоточенный вид...

– Роник говорит, экзекутор с ним долго беседовал, – сказала Марта.

Я не был готов к ответу. Подошел к Ронику и через плечо посмотрел на рисунок. С бумаги на меня глядел черно-белый котенок, как две капли воды похожий на соседского Черныша. Я погладил сына по голове, словно не замечая требовательного взгляда жены.

– Экзекутор разговаривал с ними дольше всех, – в ее голосе зазвучали нотки, игнорировать которые я больше не мог.

– И о чем он тебя спрашивал? – я чувствовал фальшь своего вопроса и был готов провалиться сквозь землю.

Роник поднял глаза.

– Мы разговаривали о жизни. Он очень умный, этот дяденька. Он спрашивал о моих друзьях и о книгах. А потом мы поговорили о вас.

– О нас? И что ты сказал?

– Что очень вас люблю, – серьезно ответил Роник.

Марта заплакала. Со стороны могло показаться, что жена улыбается, но я-то знал, что она плачет – без громких рыданий и слез. Я еще раз погладил сына по голове и спросил как можно спокойнее:

– Роник, экзекутор спрашивал тебя о Леонидусе?

Марта испуганно ахнула, по-видимому, она подумала, что это какой-то знакомый Ронику человек.

– Да, папа. Помнишь, ты рассказывал о древних философах, мне стало интересно, и я взял почитать. Вон там, – он указал пальцем на полку со свитками старых книг.

– И что?

– Гере экзекутор похвалил меня.

Я смотрел на сына, старательно растягивая губы в улыбку. И не нашел ничего лучше, как спросить:

– Роник, ты поужинал?

– Да, папа.

– Тогда иди спать. Сегодня все очень устали. Ладно?

Он кивнул, послушно встал и отправился в свою комнату. Когда за ним затворилась дверь, Марта закрыла лицо руками и заплакала навзрыд. Я обнял ее за плечи.

– Наверное, я плохая мать... очень плохая. Но я не хочу, чтобы Роника забирали, не хочу.

Я сделал усилие и улыбнулся:

– Не бойся, никто его не заберет.

– Как же, – всхлипнула Марта, – он сказал, что с ним разговаривали дольше всех.

– Ну и что? Это же экзекутор. Роник же сказал, он расспрашивал о нас, верно?

Марта отстранилась от меня и перестала плакать.

– Верно...

– Ну вот. Он просто хотел узнать побольше обо мне. Я, все-таки, чиновник Канцелярии.

– Второй ступени, – заулыбалась Марта. Она умела быстро успокаиваться.

– Вот видишь... Я думаю, Роник не прошел. Жалко, конечно, но что поделаешь. Будем жить, как жили. Нам ведь хорошо вместе, правда?

– Конечно, хорошо! – Марта совсем успокоилась. – Будет очень обидно, если возьмут сына мясника. Его рыжая женушка такая дура!

Я снова изобразил улыбку, и на сей раз получилось вполне правдоподобно.

– Ну, возьмут, и возьмут. Не думай об этом. Ужинать будешь?

– Сейчас приготовлю, – захлопотала Марта.

– Нет, не надо... Ты сама хочешь?

– Нет...

– Я тоже. Иди, ложись, а мне еще надо посмотреть кое-какие бумаги. Ладно?

Марта встревожено посмотрела на меня.

– Что-то случилось?

– Нет, что ты, ничего!

Я встал, подошел к ней и пристально посмотрел в глаза сверху вниз.

– Марта, ты ведь очень устала сегодня, правда?

– Да, – прошептала она.

– Голова стала тяжелая, а глаза сами закрываются?

– Да...

– Прошлая ночь была бессонной, и теперь тебе так хочется спать?

– Да...

– Тогда иди, и ложись, я скоро приду. И спи до утра, завтра можно встать попозже. Тебе надо выспаться. Хорошо выспаться!

Я отвел взгляд. Марта вздрогнула, помотала головой, словно отгоняя наваждение, и сладко потянулась.

– Я хочу спать... Глаза так и закрываются... Пойду, лягу.

Конечно, ложись, – сказал я как можно ласковее.

Она встала, нетвердыми шагами прошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Я опустил на стул и обхватил голову руками. Великий Создатель, за что мне это все?! Зачем ты хочешь отобрать у нас Роника? Зачем?!

– Папа, что случилось? – из двери детской выглядывало испуганное личико сына. Я и не заметил, что перешел на крик.

– Ничего, ничего, иди спать, – который раз за сегодняшний вечер я нарисовал на лице улыбку. Роник осторожно закрыл дверь.

Я смотрел на эту дверь в детскую, и чувствовал, помимо моей воли сжимаются кулаки и стискиваются до хруста зубы. Чтобы успокоиться, я закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. В голове пульсировала единственная мысль, вернее повторение слов, которые я сказал Марте – «не бойся, никто его не заберет».

С утра нас разбудил резкий стук в дверь. Полусонная Марта пробормотала, что, наверное, это молочник заявился ни свет, ни заря, накинула халат, прибрала волосы и отправилась открывать. Судя по быстрым шагам, Роник тоже выскочил из своей комнаты. Через минуту встревоженная жена заглянула в спальню и позвала меня. Я быстро оделся и вышел.

В прихожей стоял суровый десятник Тайной Стражи, а у двери переминались двое городских стражников в полном обмундировании – в шлемах, кирасах и алебардах. Оба были из соседнего квартала, и чувствовали себя явно неудобно в моем доме.

– Гере Рюмпель?

– Да, я... а что случилось?

Марта испуганно смотрела на десятника широко раскрытыми глазами. А тот сказал спокойно и весомо:

– Вы должны пройти с нами.

Я пожал плечами:

– Все-таки, что случилось? Я – чиновник Канцелярии...

– Второй ступени, – добавила Марта. Роник обхватил ее двумя руками и исподлобья снизу вверх глядел на незваных гостей.

– Нам это известно.

– Я арестован?

– Я не уполномочен об этом говорить. Вам все объяснят. Прошу вас.

Он повернулся, пропуская меня. Выходя из дома, я видел только огромные глаза Марты.

Мы так и проследовали до Серого Дома – строгого двухэтажного особняка, лишнего каких-либо архитектурных изысков – впереди десятник, я за ним, а сзади два стражника. По суете вокруг здания можно было понять, что случилось нечто чрезвычайное. На привязи

у коновязи выстроились два десятка лошадей, у входа вместо одного стояли четыре караульных, а дверь не успевала закрываться из-за постоянно входящих и выходящих посетителей.

Я увидел чрезвычайно колоритную процессию – в сопровождении десятка стражников в Серый дом шествовал первый вице-бургомистр. Не шел, а именно шествовал, с гордо поднятой головой и независимым видом. И куда-то делась его одышка. Похоже, он чувствовал себя главарем бунтовщиков, плененным железными легионами Владетеля. Интересно, а как я сам выгляжу со стороны?

Поравнявшись, вице-бургомистр помахал мне рукой как старому приятелю. В ответ я сдержанно кивнул. Сначала стоит разобраться, что происходит, а уже потом демонстрировать дружбу с кем бы то ни было.

Мы поднялись на второй этаж и прошли к невзрачной двери, недавно покрашенной пузырящейся серой краской. В коридоре до сих пор ощущался острый запах олифы. Десятник постучался, открыл дверь и пропустил меня в кабинет, а сам остался снаружи.

За простым столом сидел капитан Тайной Стражи, я, кажется, раньше видел его рядом с кабинетом экзекутора. В комнате, кроме стола и накрепко прикрученного к полу стула, не было больше никакой мебели. Капитан, не поднимая головы, что-то писал. Это напомнило поведение экзекутора при моем появлении.

Наконец, капитан положил перо и посмотрел на меня.

– Ну, здравствуйте, Рюмпель.

– Здравствуй, – осторожно ответил я.

Он буравил меня колючим взглядом.

– А вы хорошо держитесь, гере Рюмпель.

Я пожал плечами. Похоже, за последние несколько дней этот жест стал для меня привычным и естественным.

– Ну, ну, не стоит притворяться.

– Я не притворяюсь, гере капитан, – просто ответил я, – а теряюсь в догадках... Не понимаю, что происходит.

– Не понимаете? – улыбнулся капитан. Улыбнулся одними губами, а глаза оставались напряженно-серьезными.

– Совершенно не понимаю...

– Где вы были сегодня ночью?

– Простите...

– Я спрашиваю, – резко сказал капитан, – где вы были сегодня ночью?

– Дома... спал...

– С женой, разумеется?

– Да, конечно...

– А если с вами побеседует Ведун, – зловеще спросил капитан, наклонившись ко мне – то вы и ваша жена подтвердите, что спали дома?

– Конечно! – уверенно ответил я.

Капитан разочарованно откинулся на спинку стула. Ведуна, прошедшего Башню Ведунов, нельзя обмануть.

– Та-ак, ладно. Когда вы вчера пришли домой?

– Часов в девять, полдесятого... Простите, гере капитан, но что произошло?

Капитан сразу стал очень серьезным, и фальшивая улыбка исчезла с его губ.

– Сегодня ночью, по пути в Столицу, – сказал он, – был убит первый вице-экзекутор Генеральной Инспекции.

IV

После трех часов сидения на неудобном табурете у меня стали затекать ноги. Сначала капитан разговаривал со мной один, потом к нему присоединился незнакомый мне человек. Он стоял, заложив руки за спину, слушал мои объяснения и задумчиво смотрел в окно, затем присел на краешек стола и начал задавать вопросы. Вопросы, на мой взгляд, совершенно бессмысленные. Где, например, родилась моя двоюродная тетка по отцовской линии, которую я не видел уже лет двадцать. Или о чем разговаривал на последней встрече с дядькой Панапом. А я, замечу, имел удовольствие встречаться с ним в последний раз в возрасте шести лет. И что, скажите, можно припомнить из тех разговоров? Хотя, надо признать, по рассказам родни дядька Панап был изрядным вольнодумцем, за словом в карман не лез, и, если придется, то мог и Владетеля помянуть. Да так помянуть, что потом неделю вся деревня покатываться будет. Я, правда, слышал, что пару лет назад ему за эти самые разговоры определили таких горячих по спине и седалищу, что тронулся старик умом и уже никого не узнает.

Из моей головы выпотрошили все, что происходило вчера. Заставили вспомнить каждый шаг и каждый вздох. Я рассказывал, а капитан неумолимо скрипел пером. Великий Создатель, откуда же у него столько сил?! Под конец я не выдержал и взмолился:

– Гере капитан, и вы, гере... начальник... если вы думаете, что это я убил гере Экзекутора, то так и скажите. Правду говорю, не было этого.

Капитан не удостоил меня ответом, зато незнакомец сказал с нескрываемой насмешкой:

– Он убил! Да у вас, Рюмпель, мания величия. Гере экзекутор и сопровождающий его офицер Тронной Гвардии погибли с оружием в руках. А вместе они могли бы справиться с целой армией, таких, как вы, Рюмпель.

Вот оно что! Оказывается кучер, он же помощник экзекутора, был Человеком Башни – Тронным Гвардейцем. Об их воинском искусстве ходят настоящие легенды. Еще во времена Большой Войны, Владетель с двумя Гвардейцами попал в засаду маронцев. Драгуны числом до полусотни внезапно атаковали выехавшего на прогулку Владетеля. А драгуны, между прочим – это отборные воины. Все, как один аристократы, на прекрасных рослых боевых конях, закованные в броню. Так вот, два Гвардейца, в легком вооружении, с двумя клинками каждый, в капусту порубили три десятка драгун, а остальных обратили в позорное бегство. Гвардейцы не обладают силой и мощью Легионеров, зато изрядно превосходят их в скорости.

– Тогда что вы хотите, гере капитан?! – взмолился я, – Я рассказал все, что знал! Зовите Ведуна, я и ему все как на духу выложу!

Это было смелое предложение. Ведуна нельзя обмануть. Посмотрит в глаза, и любой начинает правду выкладывать. А если кто врать надумает, или утаить что захочет, сразу такая боль начинается, что вытерпеть никак не возможно. Некоторые не выдерживают – умирают, или сходят с ума. Вон, например, базарный дурачок Чуфа. Поговаривают, что был он нормальным как мы с вами, пока не угораздило его соврать Ведуну.

Капитан вопросительно посмотрел на штатского. Тот едва заметно поморщился.

– Гере капитан, пожалуйста, – продолжал я.

– Хорошо, Рюмпель, – сурово произнес капитан, – пока вы свободны. Оставайтесь дома и ждите дальнейших распоряжений. Можете идти.

Дважды просить меня не требовалось. Я вылетел из кабинета, не забыв, впрочем, рассыпаться в благодарностях перед капитаном.

На улице я снова столкнулся с первым вице-бургомистром. Он выходил в сопровождении двух стражников и направлялся к темному фургону с плотно занавешенными окнами. Увидев меня, гере бывший большой начальник мрачно улыбнулся и показал руки, скованные кандалами.

– Привет, друг, – тихо сказал вице-бургомистр, когда мы поравнялись.

Я отвернулся. Похоже, этот несчастный совсем вжился в образ мученика за идею. А, может, и правда, в свободное от управления городом время, баловался чем-то таким... Хотя... вполне возможно, все значительно проще. Совсем недавно этот новоявленный бунтовщик закончил строительство трехэтажной пристройки к дому, поставил высокую ограду, покрасил ее драгоценной перламутровой краской и завел пару великолепных лошадей южной породы. К мздоимству Владетель относится довольно спокойно – главное, чтобы чиновник дело исполнял, а уж как он с просителем договаривается, это его личное дело, если, конечно, без излишеств. Излишеств Владетель не одобряет ни в каком виде, а что касается казнокрадства, то тут он и вовсе беспощаден. Никому не позволяет залезать в свой карман. И за это легко можно отправиться в рудники на Багровых горах года так на три. Это притом, что редко кому удается пережить первый год...

А вот к мятежникам, особенно раскаивающимся, отношение совсем другое. Слышали: «Владетель не мстит побежденным»? Посидит такой вольнодумец в Каземате полгода, а потом, глядишь, и на прежнее место вернется. Если, конечно, раскается, и сообщников выдаст. Вот только... Ничего не хочу сказать, только получается как: слишком уж часто с такими деятелями что-то нехорошее случается. Попадают под повозки, травятся сморчками, падают со стен, становятся жертвами ночных грабителей. Словом, и тут большинство в течение года отправляется на встречу с Создателем. В любом случае, незадачливому вице-бургомистру не позавидуешь. И уж точно мне с ним не по пути.

Немного поразмыслив о том, куда лучше направиться – домой или в Канцелярию, я выбрал первое. Марта, наверное, места себе не находит, да и гере капитан сказал: «оставайтесь дома». К тому же, сейчас в Канцелярии моего отсутствия точно никто не заметит.

Марта, также как и вчера, сидела за столом и смотрела на меня такими же испуганными глазами. Роника дома не было. При моем появлении она быстро встала и хотела что-то сказать. Но я и сам все увидел.

– Марта, у нас гости? – я улыбнулся, желая успокоить ее.

– Да, вот к тебе...

У окна в кресле сидел незнакомый человек. Плотный, широкоплечий, с лицом, о котором можно сказать, что оно похоже на сотни тех, какие вы встречаете на улице каждый день. Одет просто – короткий камзол песочного цвета и высокие ботфорты. На вешалке у двери висели длинный кожаный плащ и потрепанная шляпа. Так одеваются путешественники, или отправляющиеся в дорогу негоцианты средней руки. Не удивлюсь, если этот гардероб дополняет клинок хорошей стали, а может даже легкий кавалеристский арбалет.

– Марта, – сказал я с веселым укором, – что же ты не накормила гостя?

Она не успела ответить, за нее это сделал незнакомец:

– Ну что вы, гере Рюмпель, ваша добрая супруга уговаривала меня сесть за стол и перекусить во славу Создателя, но я отказался. Я дал обет святым мученикам-близнецам Гуффу и Рионе, и не могу принимать пищу до захода солнца, – голос его был такой же невыразительный, как и внешность

Я понимающе кивнул. Это был обычный обет для путников – согласитесь, в чужих краях всегда полезно иметь покровительства досточтимых святых.

– Тогда, я с удовольствием побеседую с вами. Помните, Рокато Мури в трактате «О странствиях»... «И солнце острым краем задевает горизонт, и ветер освежает разгоряченные лица...»

– И рождается беседа, – подхватил гость, – утоляющая жажду и веселящая как стакан ягодного вина!

Марта смотрела на меня так, словно видела впервые в жизни. Кажется, я погорячился – она и не догадывалась, что я могу знать наизусть Рокато Мури.

– Марточка, – я подхватил ее под руку, – надо сходить на рынок, скоро начнет темнеть, и нашему гостю станет позволительно разделить с нами ужин, ведь мы же не можем ударить в грязь лицом, верно? Возьми баранью ногу, зелени, да, и пива, конечно... Хорошо? А Роник в школе?

Марта была совершенно ошарашена. Я вручил ей корзину, достал из кошелька несколько монет, и весело, но решительно выпроводил из дома.

Незнакомец наблюдал за нами без тени улыбки. Вообще, его поведение было достаточно необычным для добропорядочного гостя. Когда я появился в комнате, он не поднялся, чтобы поприветствовать хозяина, не назвал себя и не произнес обычных приличествующих ситуации слов вежливости.

Когда мы остались вдвоем, я взял от стола один из стульев, поставил у окна и сел напротив гостя.

– Итак, чем могу быть полезен, гере?.. – я выдержал паузу, ожидая, когда он назовет себя.

Но ответа не последовало. Незнакомец был увлечен разглядыванием собственных ногтей и, казалось, не расслышал моих слов. Руки у него, между прочим, ухоженные, как у человека, не знающего физического труда. Наконец, он отвлекся от процесса самолюбования и перевел взгляд на меня. Я встретил его вежливой улыбкой.

– Скажите, где вы были сегодня ночью? С двух часов до половины шестого?

Я, продолжая улыбаться, ответил:

– Простите, я до сих пор в неведении, с кем разговариваю.

– Перестань, – резко ответил незнакомец, – как тебя там? Рюмпель, кажется? Все ты прекрасно понимаешь и знаешь, кто перед тобой. Я жду ответа!

Я покачал головой.

– Я не буду отвечать, Посланник.

Я увидел, как мгновенно напряглись его мускулы и исказилось лицо... и продолжал безмятежно смотреть на него. Посланник с видимым усилием преодолел первый порыв и расслабился.

Он силен. Очень силен. Посланник – не просто гонец, передающий волю Владетеля. В нем заключена частица воли и разума Владетеля, он думает как Владетель и вправе принимать решения от имени Владетеля, не ведает сомнений, не терпит возражений, не знает пощады. Прошедший через ту же Башню, что и Экзекуторы, он способен на многое. Ему не смогут противостоять даже офицеры Тронной Гвардии и Легионеры... Разве что Убийца из Башни Убийц.

– Почему ты не хочешь отвечать, Убийца? – спокойно спросил Посланник.

Я знал, почему он не бросился на меня. Отказ повиниться Посланнику равносителен измене. Любой другой на моем месте был бы уже мертв. Но Посланник думает как Владетель. Он никогда не вступит в сражение, если не будет полностью уверен в собственной безопасности. А сейчас мои шансы предпочтительней.

– Я под защитой Слова Владетеля, – ответил я, – надеюсь, ты не намерен его оспаривать?

– А как же преданность?

– Преданность означает следование Слову Владетеля. Ты сам знаешь, это моя обязанность.

Посланник задумался.

– Ты прав. И если я скажу о просьбе Владетеля...

– То я тебе не поверю и убью без промедления. Владетель никогда не унижится до просьбы, а значит ты – не тот, за кого себя выдаешь.

Посланник понимающе улыбнулся.

– Да, ты снова прав. Владетель, как всегда, не ошибся. Тогда остается одно. Ты должен выполнить повеление Владетеля...

– Я ничего не должен. Высказанное Слово Владетеля запрещает мне выполнять его повеления. Такова была моя награда. Разве тебе этого не известно?

Посланник нахмурился.

– Известно. Будем говорить о другом. Ты убил экзекутора.

Я промолчал.

– Ты убил экзекутора, – спокойно повторил он, – я знаю, зачем ты это сделал. Но ты допустил ошибку.

– Слово Владетеля, – сказал я, – «... и чтобы не совершил, совершенно будет во благо мое и волею моей».

– Никто не дерзнет оспаривать слово Владетеля. Никто. Я хотел сказать, что ты напрасно убил экзекутора.

Я внимательно слушал.

– Возможно, мне потребуется время, чтобы все объяснить. Надеюсь, – усмехнулся Посланник, – гере Рюмпелю не нужно спешить на службу?

– Гере Рюмпель никуда не спешит и внимательно слушает.

– Итак, – Посланник говорил, не глядя на меня, повернувшись немного в сторону, словно обращаясь к кому-то третьему, присутствующему в комнате. Такая же манера разговора была у Владетеля, – итак, лучший Убийца получил в награду все, что может пожелать человек – полную свободу и безграничные возможности. Он мог стать кем угодно, но предпочел забраться в глушь и спрятаться под маской недалекого чиновника. Никто не вправе осуждать его. Лично я понимаю, что им двигало. Он хотел забыть о своем прошлом и стать таким, как все. Жить обычной жизнью, растить детей и внуков... И Слово Владетеля защищало его. Убийца, прошедший Башню Убийц, не может не выполнить волю повелителя Вселенной. И воля была высказана, Слово было волей. Владетель повелел, чтобы Убийца никогда больше не выполнял его повелений. Никогда.

Я кивнул. Все верно. Убийца не может послушаться Владетеля. Это не зависит от собственного желания или нежелания. Следовать Слову – также естественно, как, например, дышать, есть, пить. Такими Убийц делает Башня.

– Убийца в совершенстве владеет искусством лицедейства. Он не притворяется другим человеком – он им становится! Но в душе жалкого переписчика дремлет Убийца! Он думает, что обрел покой... Но что делать, если Владетелю снова понадобился Убийца, тот самый, которому он Словом даровал свободу? Приказать ему нельзя, приказ исполнен не будет. Тогда Владетель призывает из Башен лучших Мастеров. И те сообщают, что Убийца может выполнить любое повеление, если только сам этого захочет. Искренне и глубоко. Это правда? – вдруг резко спросил он, прервав плавное повествование.

Я снова кивнул, соглашаясь. Башня делает из человека не просто непобедимого воина. Главное оружие Убийцы – это умение, подобно искусному охотнику, выследить добычу, даже если она забилась в самый темный уголок преисподней. Убийца чувствует жертву, он сливается с ней, начинает видеть мир ее глазами, думать, как она. А разве можно укрыться от себя? Но умение это не просыпается само по себе. Нужно повеление Владетеля, указующего на подлежащего наказанию недруга. Или глубокое, даже запредельное желание чьей-либо смерти. Мне трудно представить, кого может так ненавидеть Убийца, по своей воле выходящий на охоту. Без этого он похож на искусного стрелка, попавшего в полную темноту и не видящего своей цели. Посланник не может этого не знать...

– Я все знаю, – сказал Посланник, словно услышав мои мысли, – ты должен сам захотеть выполнить повеление. Очень захотеть.

– И как же я это сделаю?

– Вот за этим-то я здесь. Мы поможем тебе.

Ох, что-то не нравятся мне нотки, зазвучавшие в его голосе. Он все больше и больше становится похожим на Владетеля, и, признаться, ничего хорошего я от этого не ждал. Посланник бросил на меня короткий взгляд:

– Слово Владетеля касалось только тебя. Ты заслужил его. А сейчас он желает призвать в Башню твоего сына. Бедняга экзекутор просто выполнял верховную волю.

У меня перехватило дыхание. Я прекрасно владею собой, и умею скрывать внешние проявления эмоций. Но можно поклясться, что этот проклятый Посланник точно знал, какая буря поднялась у меня в душе.

Он наслаждался ситуацией. Так же, как это делал бы Владетель.

– Надеюсь, теперь тебе все ясно?

– Ясно, – прошептал я.

– А чтобы между нами не было недопонимания, я повторю. Слушай, Убийца: Владетель забирает твоего ребенка. Он войдет в Башню Убийц. Твоя жена обвиняется в сообщничестве убийства экзекутора и отправляется в Багровые горы. Навсегда. Ты понял меня?

Я был не в силах проронить ни слова.

Ты понял меня, Убийца? – повысил голос Посланник.

– Да...

– Понял?!

– Да!

– Очень хорошо! – Посланник улыбнулся, приняв вид доброго гостя. – Видишь, как все просто! Пора прощаться с гере Рюмпелем и заняться настоящей работой... впрочем, лет через пять с ним все равно что-то придется делать – не может обычный человек так долго оставаться молодым, верно?

Я промолчал. Правда, мне приходилось задумываться о будущем, хотя я старался гнать от себя эти мысли. Башня, помимо всего прочего, дает еще один дар – молодость. Вечную ли – никто не знает, некому было проверить. Рано или поздно придется принимать решение... но сейчас я живу одним днем и готов защищать свой мир!

Посланник внимательно следил за мной, словно старался прочесть мысли. Он снова улыбнулся и сказал отеческим тоном, как будто хотел дать совет сыну:

– Ты же понимаешь, что судьба жены и ребенка теперь только в твоих руках. Тебе просто надо очень захотеть найти и убить одного человека.

Когда Марта вернулась, Посланник уже ушел. А я сидел за столом и пил кофе. Жена поставила корзину на пол и вопросительно посмотрела на меня. Пришлось объяснять, что гость заспешил на важную встречу. И выслушать в ответ то, что обычно предназначается мужьям, заставляющих понапрасну бегать на рынок своих добропорядочных жен. Она не догадывалась, что звуки ее голоса были для меня сладчайшей музыкой. Конечно же, я полностью признал свою несостоятельность как хозяина дома, выстоял с непокрытой головой под градом упреков, и, наконец, униженно молил о прощении. Получив оное, я собрался с духом, и сообщил, что должен по неотложным делам службы отъехать в Столицу. Марта сразу перестала сердиться и захлопотала, собирая дорожную сумку.

Я смотрел на нее и любовался каждым движением. Она совсем не изменилась за эти семь лет. Все такая же веселая и своенравная девчонка, какой я впервые встретил ее в кондитерской. Она с двумя подругами выбирала пирожные. Сладкоежка. Им очень хотелось полакомиться хрустящими трубочками с марципанами и сливочным кремом, но это были самые дорогие пирожные. Они уговаривали кондитера сделать скидку, но тот ни в какую не соглашался. Разочарованные девушки ушли, а я купил целую коробку трубочек и помчался вдогонку. Но,

поравнявшись с прекрасной троицей, и, с улыбкой протянув сладости Марте, вместо благодарности получил увесистую пощечину, а драгоценные пирожные полетели в канаву. Откуда мне знать, что в этом городе подарки от незнакомых мужчин принимают только гетеры! Как потом рассказывала Марта, у меня был такой несчастный вид, что она не выдержала и рассмеялась.

В следующий раз мы встретились в парке на день тезоименитства Владетеля. Тогда обошлось без пощечин. А вот потом... Было все – ночные прогулки, пьянящий запах черемухи, первое прикосновение, первый поцелуй. Еще оказалось, что прекрасной белошвейкой кроме меня интересуется сынок местного барона. Сначала он лично решил научить меня уму-разуму. К разочарованию многочисленных зрителей я не стал долго разбираться с этим недорослем. Парень даже не догадывался, как легко рука выворачивается из плечевого сустава, и как это бывает больно. Особенно, если знать, куда надавить. Бросившиеся на помощь дружки-собутельники отделались ушибами и синяками на мягких частях тела, полученными при прощании. Основной проблемой было не расправиться с молокососами, а сделать это так, чтобы со стороны казалось, что повреждения они получили совершенно случайно.

Пока сынок лежал в своих покоях с перевязанной рукой и головой, папаша послал для моего вразумления десяток стражников. Результат получился несколько отличный от того, что ожидал барон – весь десяток в полном составе отправился в лечебницу. К сожалению, представить дело так, будто верзилы из личной охраны барона все, как один поскользнулись и переломали конечности, было весьма непросто, и нам с Мартой пришлось покинуть город. А ведь она даже не догадывалась о том, что произошло на самом деле. Думала, нам пришлось бежать из-за угроз сильных мира сего.

Примерно через год родился Роник. К тому времени я остепенился и, ощущая себя отцом семейства, решил потверже стать на ноги, занявшись собственным делом. Все шло очень неплохо, и уже через несколько месяцев меня знали как удачливого зерноторговца. К сожалению, я не мог предположить, что моим главным конкурентом является Ночной Хозяин города.

Сначала он снисходительно смотрел на беготню «молодого выскочки из Столицы», но стоило мне договориться с муниципалитетом о хорошем заказе, как в маленькую контору на втором этаже доходного дома на торговой улице заявился развязный молодой человек и без обиняков выложил требования своего хозяина. Требования эти, в конечном счете, сводились к тому, что дело свое я должен отдать и убираться подобру-поздорову. Надо сказать, он очень удивился, получив вежливый, но твердый отказ – человеку, пославшему его, отказывать было просто не принято.

Вечером на выходе из конторы меня ждали. Подготовка громил Ночного Хозяина была не многим лучше, чем у баронских стражников. Разве что, немного больше мускулов и меньше мозгов. После непродолжительной, но энергичной беседы я сложил бесчувственные тела в ожидавшую их повозку и попросил ошарашенного кучера передать отправителю.

И тогда разъяренный Ночной Хозяин допустил ошибку. Он посмел угрожать моей семье. И не просто угрожать: на следующий день, когда я сидел в конторе, парнишка-посыльный принес записку, из которой следовало, что Марта и Роник находятся в надежном месте, и им ничего не угрожает до тех пор, пока я буду вести себя правильно.

Несколько минут я сидел, опустив голову. Потом встал и вышел из конторы. Дом, где держали Марту и Роника, нашелся сразу. Как? Просто я очень хотел их найти, и чутье Убийцы повело меня по следу. Ночной Хозяин не рассчитывал на мое быстрое появление. Он вообще не рассчитывал на сопротивление, посчитав результаты моей вчерашней встречи с громиллами досадным недоразумением, поэтому охраняло их всего трое – двое мужчин и женщина. Они даже не успели понять, что происходит – мелькнула размытая тень, потом вспышка острой боли в затылке – и тьма... Я не считал нужным сдерживать силу ударов. Вы хотите войны – хорошо, тогда вы узнаете, что такое настоящая война!

В течение часа запылали принадлежащие Ночному Хозяину зерновые склады. Еще через два часа я стоял у входа в его дом, больше похожий на маленькую крепость. Охрана была бессильна – где этим разбойничкам противостоять вышедшему на охоту Убийце. Сам Хозяин спрятался в дальней комнате – глупец, разве запоры могут меня остановить! Думаю, что самое страшное, что он видел в своей жизни – это холодные глаза Убийцы. Я сохранил жизнь этому раздавленному ужасом и ползающему в ногах седому старику, тому, кто только что был красивым, гордым своей силой и величием зрелым мужчиной.

Пришлось снова сниматься с насиженного места. Марта опять пребывала в уверенности, что скрываться приходится от похитивших ее злодеев. А я дал себе слово никогда больше не ввязываться в рискованные истории и навсегда забыть о Башне. Сдал с первой попытки экзамен на третью ступень и поступил на службу переписчиком в Канцелярию небольшого окраинного города, входившего некогда в состав Маронского герцогства. Научился снисходительно пропускать мимо ушей колкости коллег-чиновников, и даже стал получать своеобразное удовольствие от размеренной и нехитрой чиновничьей рутины. Несколько лет тихой и спокойной жизни. И вот, прошлое вновь настигло меня...

V

Десятник у городских ворот увидел меня и расплылся в улыбке. Ему до смерти надоели крестьяне, спешащие занять место на рынке. Они расталкивали друг друга, подняв корзины с товаром над головой, а те, кто побогаче, пробирались сквозь толпу на повозках, доверху нагруженных мешками. Десятник изнывал от отсутствия достойного собеседника. Общение служителя закона с крестьянами сводилось к ругательствам и зуботычинам, разговор с рядовыми стражниками был не многим содержательнее, а что касается Стража Ворот... так это вообще непонятно, человек он или зверь какой дрессированный. Вот раньше – кто входит в город, обязательно сунет монетку, яичко, а то бывало и целую курицу. Домой приходиться было не стыдно – за день корзина, а то две добра всегда собиралась. А сейчас... Когда прислали из столицы этого самого Стража Ворот, все и поменялось. Въедливый такой, спокойный-спокойный, сам говорит с каждым, кто пройти хочет. И видит всех насквозь. Поначалу, когда пришлые не знали, кто он такой, тут в день, бывало, хватало по десятку преступников, да тех, кто пытался пронести что-то запретное. Сейчас конечно, все ума-разума понабрались, и, ежели кто за собой грешок чувствует, то к городу на сотню шагов не приближается. Он ведь как – берет человека за руку и вопросы задает. И утаить что нет никакой возможности – сразу чувствует. А дело городской стражи – хватать всех, на кого он укажет и отводить куда следует. За год не ошибся ни разу. Говорят, этих Стражей двадцать лет учат в Башне, доверяют им тайные знания и искусства древние... Но мало ли, что люди болтают. Хотя вид у него, конечно, странный. Очень даже странный. Высокий – на голову выше самого высокого стражника, худой, с руками до колен, и лысый как яйцо. Глаза красные, на выкате, и пальцы... длинные и тонкие, словно веточки...

– Здравствуйте, гере Рюмпель!

– Здравствуйте, уважаемый Крут! Как идет служба?

– Как всегда, справляемся, во славу Владетеля. В путь отправляетесь? По делам, или так?

Сказано по-дружески, с участием, но я-то знаю, что за этим кроется. Расстегиваю пояс и протягиваю маленький футляр с вложенным свитком. С утра пораньше забежал в Канцелярию, и, надо сказать, ничуть не удивился, когда узнал, что в кабинете начальника теперь сидит гере Плумкис. Пару дней назад он бы и разговаривать со мной не стал, а сегодня не глядя поставил резолюцию на отпускной ордер. И даже не поинтересовался, по какой это надобности гере переписчик собирается выезжать из города, понимая закивал и закатил глаза, показывая куда-то вверх.

Так что с сегодняшнего дня я совершенно законно нахожусь в отпуске, о чем свидетельствует этот самый ордер с размашистой подписью в углу и расплывшейся красной печатью.

Десятник очень внимательно осмотрел бумагу, разве что на вкус не попробовал. Значительно глянул на меня, пожевал губами, и, возвращая, сказал:

– Счастливого пути, гере Рюмпель. Не опаздывайте.

– Ни в коем разе, гере десятник, уж будьте спокойны.

– И осторожнее в пути. Вы куда направляетесь, в Столицу?

– Да.

– Здесь дороги беспокойные. Ближе к Столице, ясное дело, тишь да гладь, а у нас, бывает, и разбойнички попадают... Вы, это... знаете, – десятник наклонился ко мне и заговорил громким шепотом, – вы, ежели что, не говорите, что из чиновников. Спокойнее будет.

Он выпрямился и сказал строго и громко:

– Хорошей дороги!

Я поблагодарил и вышел из города. Страж Ворот даже не посмотрел в мою сторону, его интересовали только желающие войти. И это хорошо, беседа с ним отбирает слишком много

сил. Стражи и Ведуны – мастера докапываться до правды, люди выкладывают им даже то, что знали, но давным-давно забыли. Это, конечно, если не уметь правильно разговаривать...

Дилижанс стоял чуть в стороне от дороги, на засыпанной желтым гравием площадке. На боку выдавшей вида повозки красовался герб Владетеля – с недавних пор доставлять пассажиров в Столицу из дальних провинций дозволялось исключительно казенным перевозчикам. Помимо пополнения казны эта мера сделала путешествия куда более безопасными – только безумец мог рискнуть покуситься на имущество Владетеля. Хотя раскошелиться за поездку путникам пришлось вдвойне: Владетель рассудил, что люди состоятельные с радостью заплатят за собственное спокойствие, а персонам безденежным в Столице делать нечего.

Я оказался последним пассажиром. Вручил кучеру две монеты, тот сразу же вскочил на козлы, и шестерка лошадей неторопливо повезла раскачивающийся рессорный дилижанс по извилистой дороге.

Эти имперские повозки, при внешней непритязательности, все-таки сделаны с умом. Совсем недавно мне приходилось выезжать из города по служебной надобности на канцелярской бричке, тогда, после тряски на ухабах, которые по недоразумению называются дорогой, я чувствовал себя так, словно эта самая бричка меня несколько раз переехала. А здесь – совсем другое дело. Ход плавный, размеренный, хотя, конечно, и главная дорога не чета нашим, провинциальным. Словом, одно удовольствие.

Кроме меня в дилижансе находились еще семь человек. Впереди, на удобных обитых бархатом креслах устроились два столичных торговца. Средней руки, судя по всему, по-настоящему серьезные негодяи арендовали бы целый казенный экипаж.

Сидящий позади торговцев здоровяк – явно телохранитель, нанятый в складчину. В Столице пошла новая мода на телохранителей, прошедших обучение в специальных школах, где все «почти как в Башне». Смешно, право... Тем не менее, путешественники на окраины земель Владетеля охотно выкладывают монеты за то, чтобы их сопровождал такой вот громила. Толку от него, случись что, никакого, зато уверенности придает. И к тому же, все видят, едет не какой-нибудь купчишка, а уважаемый торговец, чью драгоценную персону оберегает могучий воин.

Рядом с телохранителем на диванчике разместились два молодых человека. Один – постарше, лет восемнадцати-девятнадцати, высокий длинноволосый парень, второй – совсем мальчишка, с детским наивным лицом и огромными глазами. Зайдя в дилижанс, он не снял головного платка, и тихонько примостился у окошка.

Вместе со мной, на самых дешевых задних местах ехали два чиновника из Ратуши и известная всем в городе торговка лечебными настоями Каралла Брекк. Ее лавочка так и называлась: «У Караллы». С чиновниками я не был на короткой ноге, мы лишь знали друг друга в лицо, и поэтому довольно сухо поздоровались, а вот с веселой травницей я с удовольствием завязал приятную беседу.

Гере Брекк – дама выдающаяся во всех смыслах этого слова, начиная от внушительных размеров и заканчивая степенью влияния на мнение той части жителей нашего города, что считается светским обществом. Как и положено уважающей себя даме, для поездки в Столицу она выбрала самые модные и изысканные наряды. К слову, на столичных улицах именно по таким нарядам можно безошибочно узнать провинциалок. Признаюсь, я до сих пор совершенно не был осведомлен о важнейших деталях жизни нашего славного города. Но сейчас, благодаря любезной Каралле, этот пробел в знаниях полностью исчез.

Итак, я узнал, что гере бургомистр, точнее бывший бургомистр, купил участок земли совсем рядом со Столицей, построил дом и поселил туда эту вертихвостку с подведенными глазами, ту самую, которая сидела у него в приемной. И каждый месяц ездит к ней на казенном экипаже. В то время, как его младшая дочь ждет второго ребенка... Надо было видеть физиономии чиновников, когда они слышали такие смелые заявления. Бедняги. А что они

могут сказать? Спорить со славной Караллой – себе дороже. Лучший вариант – притвориться спящим, что оба немедленно и сделали.

После истории о веселых похождениях экс-бургомистра, я узнал много чего интересного о бывшем начальнике Канцелярии, о руководителях Коллегии образования – «поверьте мне, гере Рюмпель – притон, истинный притон», и о многих других видных чиновниках. Единственным человеком, удостоившимся одобрительного отзыва всезнающей дамы, стал исполняющий обязанности начальника Канцелярии гере Плумкис. «Светлая голова, – поджав губы, заявила Каралла, – вы даже не представляете, гере Рюмпель, что это за человек». Она права, я, пожалуй, действительно не представляю, кто же такой Плумкис.

Торговцы на креслах недовольно оглядывались – Каралла не умела тихо разговаривать, и волей-неволей всем пассажирам приходилось слушать ее рассказы. Наконец, один из negociантов что-то шепнул телохранителю, тот поднялся, и, пригнувшись, чтобы не задеть головой крышу дилижанса, подошел к нам.

– Прощения просим... так что, хозяин велит, тут потише... они отдыхать собираются.

Это была ошибка. Возможно, если бы вопрос прозвучал несколько в иной форме, то Каралла могла бы и пойти навстречу, но сейчас... Бедняга телохранитель краснел, бледнел и обливался потом, пока громогласная торговка объясняла, что она думает о нем, его хозяине и их ближайших родственниках.

Тем не менее, закончилось все неожиданно мирно. Торговец лично подошел к Каралле, рассыпался в извинениях, поцеловал ручку и преподнес от своей фирмы красочную цветную открытку, изображающую красавицу-пастушку в окружении милых овец. Дама благосклонно выслушала его, приняла подарок, и, к всеобщему удовольствию, сменила гнев на милость. Торговец с телохранителем уселись на свои места, и какое-то время мы ехали под негромкий умиротворяющий скрип рессор и доносящийся снаружи топот шестерки лошадей.

Только я начал дремать, как дилижанс резко остановился, и упавший с полки саквояж Караллы преобильно стукнул меня по голове. Снаружи послышались голоса – наш возница предъявлял проездные документы, судя по всему, мы остановились у поста Дорожной Стражи. Дверь распахнулась, и перед нами предстал во всей красе десятник Дорожной Стражи Владетеля – точно такой, каким его обычно изображают на лубочных картинках – в медном блестящем шлеме, румяный и с огромными усами, торчащими в стороны как палки. Он обвел глазами пассажиров, откашлялся и басовито произнес:

– Доброго здравия, гере. Запретных предметов и имущества не провозим?

Странный вопрос. Десятник, собственно и не ожидал, что злодеи, проникшие в дилижанс под видом порядочных путников, начнут дрожащими руками выкладывать припрятанное запретное имущество.

– Должен спросить вас, гере, не видел ли кто-нибудь девицу семнадцати лет, роста среднего, сложения худощавого, лицо чистое, волосы – темные, длинные, заплетает в косу? Имя указанной девицы – Софа Кармер. Разыскивается родителями Улоной и Бергнадом Кармер, а также семьей жениха Басо Шашуна. За указание ее местонахождения объявлена награда в пятьдесят монет. Напоминаю вам, что, согласно Уложению Владетеля, персона, укрывающая лицо, объявленное в розыск, а равно скрывающая сведения, могущие привести к обнаружению указанного лица, наказывается лишением подданства Владетеля и всех связанных с ним прав и привилегий, а также отправкой на каторжные работы в Багровые горы на срок до пяти лет.

И вся эта тирада была произнесена на одном дыхании, без малейшей запинки. Пассажиры, включая почтенных торговцев, зашевелились, всем своим видом показывая, что ничего такого не видели и не знают, но, в то же время, готовы оказать любое содействие. От меня, однако, не укрылась, что сидящий у стеночки мальчишка вздрогнул и съежился, словно стараясь сделаться незаметным. Я еле сдержал усмешку – темные длинные волосы, заплетенные в косу, говорите?

И тут я заметил, что на мальчишку пристально смотрит Каралла. Ну, все, ребяташки, плохи ваши дела, отбегайтесь. По правде сказать, я сразу различил, что мальчишка – это переродетая девушка. Но такая маскировка может обмануть одних лишь мужчин. Женщины обращают внимания на мелкие детали. Если бы заглянувший к нам десятник был женщиной, то сейчас стал бы богаче на полсотни полновесных монет. А так, судя по всему, награда уйдет к наблюдательной торговке.

– Гере стражник, – уверенно сказала Каралла, а девушка-мальчик непроизвольно прижалась к своему спутнику, – когда я садилась в дилижанс, то видела у городской стены похожую на ваше описание девушку. В сопровождении двух мужчин – пожилого и молодого она направлялась в сторону Восточной башни.

Стражник сразу приобрел хищный вид, словно ищейка, почуявшая добычу, и стал подробно расспрашивать Караллу о том, что, собственно, она видела у стены. Но торговка больше не сказала ничего определенного – заметила девушку и все. Впрочем, стражник остался доволен. Переписал из дорожного листа имена пассажиров и махнул рукой, позволяя ехать дальше.

Я готов поспорить – не было никакой девушки у стены, и Каралла прекрасно знала, что беглянка едет с нами! Почему же она так рисковала? А если бы на посту находился Ведун? Да и впоследствии, может статься, ложь раскроется, и тогда ее точно ждут Багровые горы – лгать стражнику при исполнении – тяжкое преступление.

До казенного постоялого двора, где предстояло провести ночь, мы ехали молча. Чувствовалось, что встреча со стражником произвела достаточно тяжелое и гнетущее впечатление. Хотя, наверное, дело не столько в самой встрече, сколько в собственном поведении – в том, как солидные и состоявшиеся люди демонстрировали свою законопослушность перед каким-то десятником.

Сразу по приезде на постоялый двор я направился в комнату с твердым намерением завалиться спать до утра. Одна из привилегий чиновного сословия – это возможность получить в казенных заведениях отдельный номер без соседей. Тех же торговцев и их телохранителя безо всяких церемоний поселили всех вместе. В коридоре дорогу мне преградила Каралла.

– Я вижу, ты все понял, – без обиняков заявила она, – и хочу предупредить. Если хоть кому-нибудь проговоришься про девчонку, придушу собственными руками.

– Что вы, что вы, гере Брекк, о чем это вы?

Я пытался говорить как можно более убедительно, но хитрую торговку провести не удалось.

– Не валяй дурака, Рюмпель. Все ты прекрасно понимаешь. Так вот, слушай. Софу я знаю с детства. Можно сказать, она выросла у меня на руках. Матери и отцу было на нее наплевать. Папашу ничего, кроме его рудника не интересовало, а мать... Тряпки, камешки, шуры-муры – все, только не дочка. И вот решили они ее выдать замуж. За Басо Шашуна. Слыхал о таком?

Еще бы. Кто же не слышал о семействе Шашунов? Между прочим, старинный баронский род. Всего их три брата, и все трое – отъявленные мерзавцы. А Басо – средний – смотрится выродком даже среди своих родственничков. Если он обратит внимание на симпатичную девчонку – пиши пропало – своего добьется. Почему Тайная Канцелярия так спокойно смотрит на все эти безобразия – не знаю. Хотя... Есть, конечно, мысли. Ребятам из Серого Дома вполне могут понадобиться для всяких дел такие вот тупые и готовые на все Шашуны. К тому же, богатые, как гномы из сказки.

Когда мы приехали в город, Басо положил глаз на Марту. Наученный печальным опытом, на этот раз я обошелся без членовредительства. Просто, улучив момент, оказался с ним наедине в укромном месте, посмотрел внимательно так в глаза, и заморозил наглухо ухмылочку резкой командой «спать!» Слабым оказался этот Шашун. Закатил глазки и покорно выслушал приказ никогда, ни под каким видом, под страхом немедленной мучительной смерти не при-

ближаться к моей жене. А потом преспокойно улегся спать прямо на дороге, где и был найден немало удивленными собутыльниками. С тех пор Басо, завидев Марту, переходил на другую сторону улицы, и что забавно, сам он никак не мог внятно объяснить, зачем это делает. Не удивлюсь, если бы его и вправду хватил удар, окажись он по какой-то случайности рядом с ней. Одним словом, идеальный женишок, нечего сказать.

К тому же, как сообщила Каралла, девчонка была без памяти влюблена в своего детского приятеля – Косту Мооса – это, конечно же, тот парень, что сопровождал ее в дилижансе. И – я уже давно догадался – они решили бежать.

Гере Брекк шумно вздохнула:

– Разве я могла отказать бедной девочке, когда она пришла ко мне за помощью? Я ведь люблю ее как родную дочь.

Трогательная история. Какие милые и добрые люди. Только не очень умные.

– Скажите, Каралла, – невинно поинтересовался я, – а куда же направляются эти прелестные дети?

По взгляду сердобольной торговки было понятно, что этот вопрос изрядно беспокоит ее саму.

– В... в Столицу.

– Прекрасное решение. Они, разумеется, хотят затеряться среди многих тысяч стражников, в рассуждении, что те не будут искать у себя под носом?

На ее лице отразилось сомнение.

– Ну, может быть, куда-нибудь на окраину...

– Как вы думаете, появление нового человека в окраинном городке может пройти незамеченным для Тайной Канцелярии? И, кстати, как у них с документами?

По ее молчанию я понял, что с документами дело обстоит неважно. Ребятишки сумели выбраться из города и подсунуть какие-то бумажки вознице для внесения в дорожный лист. Но, думаю, если бы стражник не поленился и проверил документы, то на этом путешествие влюбленной парочки закончилось.

– Что же делать? – жалобно спросила Каралла.

– Можно попробовать, например, направиться в Дикую Степь. И если удастся проскочить мимо пограничных разъездов, присоединиться к кочевникам. Правда, милостью Владетеля, немного их осталось. Еще можно перейти Багровые горы и уйти в Темные Земли. Может, там жизнь хорошая, кто знает, оттуда еще никто не возвращался.

Гере Брекк прикрыла лицо ладонями и заплакала навзрыд. Ну, разумеется, так далеко троица заговорщиков еще не заглядывала. Для меня конец их приключений был очевиден – до Столицы они точно не доедут, Софу отправят родителям и немедленно выдадут за Басо, а вот ее приятеля и скорее всего Караллу, ждут очень серьезные неприятности. Стражник говорил про Багровые Горы вовсе не для красного словца.

Я мягко отстранил плачущую торговку и, не оглядываясь, пошел в свою комнату. Там разделся, с наслаждением растянулся на кровати, закрыл глаза и моментально заснул.

Впрочем, выспаться этой ночью мне было не суждено. Застать врасплох Убийцу из Башни невозможно. Я проснулся за несколько секунд до того, как дверь открылась. Три человека. Не обученные – стараются идти тихо, но топают так, что слышно за милю.

Когда они вошли в комнату, я уже сидел на кровати. Одеться, разумеется, не успел, поэтому с некоторым злорадством наблюдал смущение на лицах посетителей.

– Гере Рюмпель, – сурово заявила Каралла, – будьте любезны, прикройтесь.

Ну, конечно. Гере Брекк со своими детишками. Софа покраснела, но смотрела на меня, широко распахнув глаза. А вот приятель ее робко мялся у дверей.

Я вздохнул. Похоже, спать сегодня не придется. Накинул одеяло, встал, подошел к столу и сделал несколько глотков из кувшина с водой.

– Гере Рюмпель, мы должны поговорить! – тон гере Караллы не допускал возражений.

– Уважаемая гере Брекк, я совершенно не расположен к разговорам. К тому же сейчас мне просто необходимо прогуляться перед сном. Это, знаете те ли, полезно для сердечной жилы. Очень рекомендую.

И я красноречивым жестом показал на духовое окошко под потолком. Ни для кого не секрет, что во всех казенных зданиях вентиляция совмещается с системой слуховых труб. Об этом знают все, но обсуждать сей факт как-то не принято. Каралла ойкнула и испуганно прикрыла рот ладонью.

Через полчаса у крыльца постоянного двора я встретил всю понурившуюся троицу. Не говоря ни слова, прошел мимо, а заговорщики переглянулись и поплелись за мной.

– Постойте, Рюмпель, – через пару минут взмолилась страдающая одышкой гере Брекк, Я остановился.

– Итак, Каралла. Я готов вас выслушать. Сразу хочу предупредить – не понимаю, чем могу помочь. Я – законопослушный подданный Владетеля и не собираюсь нарушать закон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.